

Томас Костейн
Королевский казначей

1947

Костейн Т.

Королевский казначей / Т. Костейн — 1947

Томас Костейн (1885-1965) – известный американский писатель, профессиональный журналист. Его первый роман вышел в 1942 году, и с тех пор он полностью посвятил себя историческим исследованиям. Костейн написал десятки произведений, которые переведены на многие языки. Действие романа «Королевский казначей» происходит в средневековой Франции времен правления Карла VII. В центре сюжета – жизнь реально существовавшего человека Жака Кера, посвященного во многие тайны двора. Читатель становится свидетелем неожиданных поворотов судьбы этой незаурядной личности, настоящего финансового гения.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
КНИГА ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Томас Костейн КОРОЛЕВСКИЙ КАЗНАЧЕЙ

Посвящается Нельсону Даблдею

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно книги говорят сами за себя и авторское предисловие далеко не всегда необходимо. Но если действие романа происходит в определенных исторических условиях, без вступления не обойтись. Читателю должно быть ясно, где реальные исторические события и герои, где вымышленные.

Должен сказать, что история главного героя моего романа – Жака Кера, казначея французского короля Карла VII – изложена с максимальной точностью. Безусловно, кое-где пришлось изменить порядок событий. Хроники тех времен скудны, и автору пришлось напрягать воображение в поисках деталей и подробностей жизни королевского двора, быта парижан и провинциалов, а также многого другого.

Меня поразило, как мало сведений осталось о Жаке Кере, незаурядной, сильной и очень известной личности, оставившей глубокий след во французской истории. Монстреле и другие хроникеры того времени очень подробно описывали чуть ли не каждый шаг не представляющих абсолютно никакого интереса рыцарей, скучнейших королей и глупых принцев, а о Жаке Кере – почти ничего. Их оставляли равнодушными его гениальной ум, головокружительная карьера, смелые начинания, решительные поступки. Возможно, обо всем этом так и не удалось бы узнать, если бы не открытия С. Джозефа Жака в книге «Средневековый скандал». Там упоминаются такие реальные персонажи, как Робер де Пуатеван и Ферран де Кордюль, сыгравшие в жизни Кера немалую положительную роль. Однако данных о них было маловато, и автору романа пришлось реконструировать сцену действия, наполняя свой рассказ новыми интересными сведениями.

Тот, кто чрезвычайно трепетно относится к традициям рыцарства, может выступать против роли, которую я отвел в своем романе Жаку де Лалэну. Тот супергерой постоянно с кем-нибудь дрался, вступал в равные и неравные поединки, подобно современным провинциальным боксерам-профессионалам. Главным для него было продемонстрировать свою силу и получить аплодисменты. Он не сражался с д'Арлеем только потому, что тот является вымышленным героем.

Я задумал сцену дуэли, чтобы показать, насколько тщеславны и бесчестны были многие хваленые средневековые рыцари. Жак де Лалэн был лидером среди таких. Я тщательно изучал его характер, следуя многим источникам, и понял, что он повел бы себя именно так, как на страницах моего романа. Я отвел ему роль неумного монстра, который отказывался сражаться за свободу Франции, но был готов вступить в бой по любому, даже самому глупому поводу.

Я не стал упоминать о семье Жака Кера («кер» по-французски означает «сердце») только потому, что ее члены никак не повлияли на его карьеру: ни жена – милая, тихая женщина, – ни сыновья. Когда я попытался ввести их в свой рассказ, они стали так мешать ходу всего повествования, что пришлось немедленно с ними расстаться. Если я поступил с родными Кера несправедливо, прошу меня простить. Но у меня есть оправдание: я следовал проторенными дорожками хроник, а там их присутствие не было замечено.

Я пытался создать правдивый портрет Агнес Сорель, этой умной, прелестной и несчастной женщины, возлюбленной короля, и Карла, Которому Все Хорошо Служат. Робер де Пуатеван жил и действовал как настоящий храбрец, это зафиксировано в описаниях хода суда над Кером. Реальными лицами являются также Жанна де Вандом и Гийом Гуффье. Что же касается Валери Марэ и д'Арлея, а также графа и графини де Бюрей – это вымышленные персонажи. Поэтому следует помнить: все события, в которых они принимали активное участие, были плодом фантазии автора, чтобы в книге прослеживалась романтическая линия и она стала более интересной и захватывающей.

Томас Б. Костейн

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

1

Королевское знамя Франции развевалось над башнями Лувра. Это было удивительное зрелище, ведь король не любил Париж и навещал его не часто. Как и следовало ожидать, жители города сделали из его приезда праздник. На улицах при дуновении ветерка трепетали полотнища вымпелов и флагов. Выступали кукольники, показывавшие мистерии. На каждом углу стояли торговые лотки. Народ с удовольствием развлекался, а торговцы старались получить как можно больше за товары для королевского двора. Но тот, кто был поумнее, лишь потихоньку посмеивался над всем этим... Горожане прекрасно понимали, что благородные рыцари и дворяне, проезжавшие или шагавшие по парижским улицам, гордо задрав нос, и не замечавшие никого вокруг, были именно теми воинами, что проиграли англичанам все великие сражения Столетней войны, и, если их вовремя не остановить, они проиграют и все остальные битвы. Иногда сквозь стук конских копыт и звуки серебряных фанфар до ушей этих господ долетали свист и оскорбительные, порой грубые реплики, в которых так поднаторели простые парижане.

Жак Кер увидел знамена из окна комнаты с побеленными стенами. Когда он бывал в Париже, предпочитал работать здесь. Кер приступил к делам в пять утра. Казалось, поток посетителей никогда не закончится. Он быстро и четко вел переговоры и отпускал посетителей небрежным движением руки, когда был уверен, что обсуждать больше нечего. Он прочитал горы писем и документов, просмотрел множество списков и отдал столько распоряжений, что у его подчиненных не было минуты отдыха.

Жак Кер подошел к окну и посмотрел на роскошные башни Лувра.

– Карл, Которому Хорошо Служат, – тихо шепнул Кер. – Мне кажется, что тебе подходит это прозвище, мой милый и нерешительный господин! Мне хотелось бы знать, как вас назовут, когда станут писать историю этого времени?.. Мне также очень интересно, что напишут о Жаке Кере?

Если взглянуть на Кера сзади, он выглядел именно таким, каким был на самом деле, – процветающим человеком средних лет. Если смотреть ему прямо в лицо – многое менялось. Прежде всего люди обращали внимание на его глаза, а все остальное в этом человеке казалось довольно обычным. Глаза у него были поразительные: большие, серые и очень живые. Они улыбались, смеялись, зажигались, горели, сверкали, обжигали, страдали, взрывались и выдавали его настроение. Ни на секунду они не отпускали от себя взгляд собеседника. Его приятного тембра голос обладал теми же качествами. Можно сказать, что его жесты были несколько театральны, но плавные движения его красивых белых рук четко соответствовали постоянному изменению выражения глаз.

Он был аккуратно одет, все в его туалете было тщательно продумано, сюртук был зашнурован серебряными бечевками, рукава отделаны жемчугом, лосины плотно облегли ноги, башмаки он носил из прекрасной тонкой кожи. Было видно, что этот человек придавал значение не только красоте, но и удобству: носы башмаков не были слишком длинными и не сильно были загнуты вверх.

– Мне кажется, Никола, – сказал Кер слуге, – что мы как следует растормошили этот город. Мне это напомнило, как взбалтывают настойку в бутылке. А сейчас мне пора к королю. Мой всегда улыбающийся Никола, подай-ка плащ!

На самом деле нормандец Никола улыбался очень редко. Если по внешности судить о характере, можно с уверенностью утверждать, что слуга постоянно находился в состоянии желчного недовольства – недаром белки его глаз пожелтели. Никола медленно, словно нехотя, переводил взгляд с одного предмета на другой. Уголки его губ были опущены, голова имела форму груши, щеки и подбородок были цвета созревшей сливы.

Слуга с мрачным видом подал хозяину плотный плащ, роскошно отделанный белым мехом горносталя.

– Неужели, господин, вам обязательно идти сегодня ко двору? – спросил Никола. – Сударь, вы достаточно поработали сегодня. У меня в голове жужжат, как пчелы, все ваши указания.

– Никола, меня там ждут. Если король ждет, его подданный должен повиноваться, в особенности, если он является казначеем.

– Мне не повезло с хозяином, – пробормотал Никола. – Он вскоре умрет от перегрузки. У меня тогда не будет хозяина и я стану голодать.

Жак Кер взглянул на круглый животик Никола и улыбнулся.

– Ты долго проживешь благодаря своим накоплениям, – сказал он, но, посмотрев на плащ, недовольно нахмурился. – Неужели сегодня так холодно, что мне нужно надевать это?

– Неужели, господин мой, я бы его вам подал, если бы не считал, что сегодня лучше надеть его?

– Ты прав, – признался Кер. – Я знаю, что в этих делах ты разбираешься лучше меня.

– Я всегда прав, когда дело касается вашего комфорта и здоровья, – заметил слуга. – А вы, мой хозяин, никогда в таких случаях не бываете правы.

– Ну, я бы так не сказал, – ответил Кер. – Ты должен признать, что в случаях более важных, чем погода, я разбираюсь лучше тебя. Ну, Никола Всесведущий, веди меня. Мы сегодня отправимся пешком.

Они спустились по каменной лестнице и вышли на улицу через медные ворота. В воздухе повеяло холодком, и Кер вновь должен был признать правоту Никола, выбравшего для хозяина теплую одежду. Кер плотнее завернулся в плащ и зашагал так быстро, что Никола пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать от своего хозяина.

– Мастер, мастер, – протестовал слуга, – неужели королевские дела не могут подождать еще несколько минут? Вы хотите устать? Вы уже не молодой человек, чтоб шагать так быстро!

Керу не понравились эти слова.

– Может, я не так молод, – ответил он, оглядываясь, – но я обладаю силой двадцатилетнего юноши. Никола, тебе не следует укоризненно качать головой. Ты моложе меня на целых десять лет, но по сравнению со мной ты – просто старик! Я могу больше работать, быстрее шагать и лучше рассуждать, чем любой из моих знакомых.

– Хозяин, вы можете переспорить любого, – пыхтел Никола.

Парижане хорошо относились к Жаку Керу, в отличие от остальных придворных. За Кером и его слугой буквально по пятам шагали взрослые люди и мальчишки. Они напоминали хвост яркой кометы. Кер слышал приветствия, доносившиеся до него из таверн и жилых домов:

– Это идет казначей!

– Это храбрый, добрый Жак!

– Лисица Жак, наш друг!

Кер доброжелательно, с юмором отвечал на подобные приветствия. Было ясно, что ему нравилось такое отношение.

– Сударь, – отрезвил своего хозяина Никола, – они так же радостно приветствовали бы и палача!

Когда Кер и его слуга достигли рва, окружавшего Лувр, Кер вдруг остановился.

– Никола, – резко сказал он, – ты получил какую-либо весточку от сира д'Арлея?

– Разве я смог бы об этом промолчать?

Разве Кер не знал, что этот вредина Никола почти никогда не давал прямого ответа? Никола, как правило, на вопрос отвечал вопросом. Но Кер был слишком занят своими мыслями и не обратил внимания на дерзкую форму ответа слуги.

– Этот день, – размышлял он, – может войти в историю. Как жаль, что у меня нет сведений от Робина д'Арлея. Я уверен, что они пришлись бы очень кстати.

Вооруженный охранник у входа улыбнулся и знаком показал Керу, что тот может пройти. Жак Кер быстро прошел через переполненные залы, расположенные у главной лестницы. Гофмейстер в белой с зеленым ливрее приветствовал его:

– Господин Кер, сегодня хороший день.

– Где я могу найти короля?

Гофмейстер плавно повел рукой в направлении лестницы:

– Придворные находятся с королевой, господин Кер. Король вскоре должен к ним присоединиться.

Кер задержался.

– Скажи мне, Гуйе, какое сегодня настроение у короля? Блестят ли его глаза? Может, мой дорогой король легко расхаживает и ожидает чего-то приятного?

– Мне кажется, что сегодня король плохо себя чувствует. Он прохаживается очень медленно, был молчалив все утро, мне так доложили. Никто не видел его улыбки.

Когда Кер вошел в главный зал, на него обрушился шум разговоров. Придворные были заняты новым увлечением – игрой в карты, разрисованные картонки. Дамы и кавалеры были так увлечены этим занятием, что, когда в зале появился Жак Кер, ни одна пара глаз не поднялась, чтобы посмотреть на него.

«Разрисованные мартышки! – подумал Кер. – Они тратят время на глупые игры и разные споры. Пожалуй, нужно нанять художника, чтобы он нарисовал для меня такую же колоду карт. – Кер тут же превратился в коммерсанта. – А потом надо сделать много-много копий на хорошей бумаге. Карты, – продолжал он рассуждать сам с собой, – должны быть очень красивыми и дорогими. Если им так нравится эта игра, я могу извлечь из нее немалую пользу. Карты, как и многое другое, принесут мне прибыль».

Когда Кер проходил мимо шелкового кошелька, висевшего на стене и предназначенного для пожертвований беднякам, он не забыл опустить туда золотую монету. Обычно королева Мари внимательно следила за тем, чтобы каждый вновь прибывший жертвовал деньги нищим. Но сегодня она была слишком увлечена игрой и не обращала внимания на тех, кто игнорировал правило. Поэтому в кошельке было довольно пусто, и опущенная Кером монета упала на самое дно.

Королева находилась в центре зала, Кер видел, что она играла в глик; у нее было два противника: девушка со смуглым хорошеньким личиком, в головном уборе сердечком, и огромный мужчина в небрежном сером наряде. На столиках, расставленных по всему залу, также играли в глик, однако большая часть собравшихся предпочитала наблюдать, как шла игра за королевским столом.

Ее величество была целиком погружена в игру, и Кер решил, что неразумно отрываться королеву от приятного занятия.

Ее лицо было довольно приятным, однако крупный нос не позволял претендовать на красоту. Когда королева волновалась, кончик ее носа начинал подергиваться. Так было и в этот раз.

На королеве было темно-зеленое платье с низким вырезом, отделанное мехом горносталя. Рукава были настолько длинными, что касались пола, и королеве было трудно управляться с картами.

Кер слышал, как она расстроено сказала:

– Мне сегодня сильно не везет. Крупный мужчина ответил басом:

– Клянусь игрой глик, моя уважаемая королева, удачи можно добиться, если хорошо играть имеющимися картами.

Кер сел на скамью у стены, где висел новый гобелен с изображением Семи Добродетелей и Семи Грехов. Рядом сидел солдат с мечом, пристегнутым к поясу. На его худом, морщинистом лице читалась неприязнь к окружавшим его людям.

– Дюнуа, – шепотом сказал Кер, наблюдая за привлекательной брюнеткой, игравшей с королевой, – не кажется ли вам, что мадемуазель де Менелэ слишком спешит занять место своей кухни?

– Она – шустрая девица, – сказал старый солдат. – Прелестная Агнес была замечена королем благодаря матери королеве, но я не уверен, что подобная история может повториться.

– Мы не должны себя успокаивать подобными рассуждениями. Королева смирилась с Агнес Сорель, но, может, она считает, что Агнес слишком долго занимала свое место?

Дюнуа отрицательно покачал головой:

– И вам и мне, господин Кер, прекрасно известно, как капризен наш король. Но в данном случае он предан ей долгое время. Что-то есть такое в очаровательной Агнес, что удерживает его на привязи. Захочет ли он, чтобы на подушке, где так долго красовались золотистые кудри Агнес Сорель, появились черные локоны маленькой кухни?

Кер с мрачным видом принялся обдумывать это предположение.

– Агнес плохо себя чувствует, – сказал он. – Вы не заметили, какой она стала бледной? Она сейчас слаба духом и телом. Дюнуа, меня это сильно беспокоит. Очень сильно...

Старый солдат хитро взглянул на Кера:

– Я верю.

В этот момент в зале появился король. Голос слуги, объявившего о его появлении, был заглушен шумом разговора; и прошло некоторое время, прежде чем собравшиеся осознали, что в комнате находится его королевское величество. Раздался стук каблуков, дамы и господа поднялись и поклонились королю.

– Кажется, у него неважное настроение, – пробормотал Дюнуа.

Карл VII мгновение постоял у входа в зал, небрежно поклонился присутствующим – казалось, он сделал это по привычке, – вздохнул и снова поклонился.

Временами он выглядел королем до кончиков ногтей, но не теперь. Он был одет в свою любимую короткую зеленую куртку, полностью открывавшую его ноги. Королевские ноги не блистали красотой. Они были короткими, тощими и кривыми. Колени – напротив, толстыми, и мудрый монарх не должен был выставлять их напоказ.

Король подошел к столику супруги и мрачно поклонился.

– Я не хочу прерывать ваше... новое увлечение, мадам.

– Мы играем только для того, чтобы скоротать время до вашего прихода, ваше королевское величество, – ответила королева Франции.

– Мадам, мне ясно, что вам нравится этот новый способ соревнования хитрости и ума. Вам придется примириться с тем, что я недолго смогу оставаться здесь сегодня с вами. – Казалось, что королю вдруг стало неудобно, и он отвел взгляд от королевы. – Мне следует немедленно заняться государственными делами. Прошу вас позволить забрать с собой... – он обвел глазами комнату, – Гуффье, Шабанна, Дюнуа, Кера. Мне следует обсудить с ними неотложные дела в моих покоях.

Королева с трудом сдерживалась. Она вытащила из-под широкого золотого сетчатого пояса льняной платок и промокнула кончик носа.

Король поспешил ретироваться, чтобы избежать ее возмущения.

– Моя дорогая, надеюсь, что вы хорошо проведете время.

2

За королем гуськом последовали четверо мужчин. Кер шел последним. Все старались держаться достойно, покидая комнату, хотя каждый понимал, что поддерживает открытый фарс. Обычно король выбирал именно эту четверку. Видимо, ему было так удобнее. Все молча проследовали за ширмы и отправились к главной лестнице. Четверо сопровождавших не стали подниматься наверх, в покои короля, а пошли по длинному коридору, который вел к другой лестнице.

За ними со стуком закрылась железная дверь. Винтовая лестница была довольно узкой, и спутникам короля опять пришлось следовать друг за другом. Лестница была сконструирована таким образом, что разные уровни ступенек не позволяли видеть, кто в *данный момент поднимается или спускается*. Кер часто размышлял о том, что эта лестница как бы олицетворяла сам королевский двор, где царили хитрость, тайны, подозрительность и осторожность.

Гийом Гуффье шел впереди Кера. Он обернулся и, улыбаясь, подмигнул. У Гуффье был такой орлиный нос, что уголки губ вдруг коснулись ноздрей.

– Какая удобная лестница для... некоторых прогулок, – шепнул Гуффье.

Они спустились до конца лестницы и проследовали по выложенному плитам коридору, в конце которого стоял караульный. Когда он заметил короля и его спутников, то сразу исчез. Он охранял тяжелую дубовую дверь, на которой были вырезаны ветви дерева. Король остановился и поклонился своим сопровождающим.

Перед ним открылась дверь, и все увидели хорошо освещенную комнату, высокий аналой, красные панели из гобеленов.

Король вошел внутрь, за ним быстро закрылась дверь. Всем было понятно, что это сделано специально.

Но до того как дверь затворилась, они услышали приятный женский голос, который насмешливо воскликнул:

– О, мой король, вы опять надели эту короткую куртку!

– Милая Агнес никогда не восхищалась ногами короля, – заявил Гуффье.

Государственные министры отправились в небольшую комнатку, расположенную в другой стороне коридора. Там для них уже были приготовлены четыре кресла. На столе стоял кувшин с красным вином и лежал треугольник сыра с зелеными прожилками. В камине пылал огонь.

– Сколько времени мы уже играем эту незавидную роль притворщиков? – спросил Дюнуа, когда все расселись.

– Слишком долго, – ответил Гуффье. Он подавил зевок и искоса взглянул на Кера. – Наверное, это всем уже надоело?

– Все прекрасно понимали, в чем тут дело, с самого начала, – проворчал старый солдат. – Всей Франции известно, что король днем обязательно навещает мадам Агнес, и слишком многим известно, каким образом он пытается замаскировать свои действия. Люди над ним за это посмеиваются.

– Они не забывают смеяться и над нами. Я в этом абсолютно уверен. – Гуффье опять взглянул на Кера. – Одному из нас следует убедить короля, что он не достигнет своей цели, занимаясь подобным притворством. У меня для этого разговора не хватает умения высказать свое мнение. Может, это сделаешь ты, Жак Кер?

– Этот обман не зависит от желания короля, – коротко сказал Кер. – Сама леди Агнес настаивает на мерах предосторожности. Вам всем и-жестао, эта дама – истинно верующая, она не желает открытого признания. . .

– Адюльтера, – закончил фразу Гуффье, когда Кер заколебался, стоит ли произносить вслух это слово. Он отрезал себе кусок сыра и с жадностью стал его есть. – Нам четверым следует научиться играть в карты. Боюсь, господа, что мне станут неприятны ваши лица, если нам и в дальнейшем придется проводить столько времени вместе, ничего не делая.

– Мне давно не нравилась ваша физиономия, – резко заявил Дюнуа. – Еще до того, как мы все начали участвовать в этом постыдном фарсе.

Гуффье с неприязнью взглянул на него:

– Конечно, только военные могут себе позволить выражать свое мнение так открыто. Но со временем вы поймете, мой доблестный ублюдок, что не всегда стоит высказывать все свои мысли вслух.

Солдат взглянул на Гуффье, затем перевел взгляд на Шабанна, раскинувшегося в кресле.

– Здесь нас двое против двоих, поэтому с каждым разом для нас становится все труднее спокойно выдерживать эту обстановку. Кер и я желаем скорейшего продолжения войны. Вы выступаете за продолжение политики снижения активности. Бесполезно кому-либо пытаться убедить противоположную сторону в правоте своей точки зрения. Мне жаль, но приходится признать, что вас невозможно переубедить занять более патриотичную точку зрения. Нам легче сидеть молча и с неприязнью глазеть друг на друга. Но следует признать, что эту проблему вскоре все равно придется решать и откровенно высказываться.

– Если вы желаете откровенности, – воскликнул Гуффье, – я могу сказать вам, ублюдок из Орлеана, что считаю вас не кем иным, как только живым воплощением вашего меча! Ваши мнения не имеют веса, потому что они продиктованы эгоизмом и желанием продемонстрировать в действии ваше лидерство. Что касается Кера, я уже говорил в открытую много раз: нам следует только горевать, когда простые по происхождению люди получают высокие государственные посты. Если бы я мог проявить свою волю, Жак Лисица был бы лишен всех привилегий и его бы отправили туда, откуда он появился, – пусть продавал бы меха женам богатых горожан.

Жак Кер крепко сжал ручки кресла. Ему хотелось ухватить за горло насмешливо улыбавшегося министра, но выдержка, как всегда, одержала верх над безумным порывом гнева.

Кер никогда не обманывался в том, насколько его уважают при дворе. Хотя королевским декретом ему было пожаловано дворянство, аристократы никогда не признавали его. Этого не скучится и в будущем. Ему придется смириться с оскорблениями – это плата за слишком быстрое восхождение.

Казалось, что он не обращает внимания на оскорбления, но душа его содрогалась от каждой новой обиды. Так было с самого начала. Он пытался относиться к этому по-философски, пытался внушить себе, что его мучители были слишком узколобыми, что не следует обращать внимания на их слова и действия. Но постоянные нападки и унижения становилось выносить все труднее и труднее. Он терпел слишком долго, и, видимо, когда-нибудь наступит конец.

Кер не желал окончательно распрощаться со своей гордостью. Он помолчал некоторое время, затем обратился к Дюнуа:

– Как вам известно, я никогда не желал прославиться при дворе. Я служу королю по его приказу и предложению. Когда мои услуги ему станут не нужны, я с радостью займусь собственными делами. А пока я не буду для него хорошим слугой, если стану ссориться с его окружением, и даже пусть я его и презираю!

Дюнуа согласно кивнул:

– Кер, я надеюсь, вы нам докажете, что у вас сильная воля и крепкий желудок.

– Боюсь, что меня уже начинает тошнить, – ответил Кер. В комнате воцарилась тишина. Королевские спутники, казалось, были заняты разливанием вина и мирными беседами.

Дюнуа не сводил глаз с окна, было ясно, что его осаждали неприятные мысли. Возможно, этот вояка вспоминал о том времени, когда они с Жанной д'Арк гнали оккупантов от Орлеана.

Жак Кер стал расхаживать взад и вперед, сложив руки на груди. Он вспоминал слова старого солдата.

«Неужели все вокруг уверены, что я без конца могу глотать оскорбления?»

Он задавал себе этот вопрос снова и снова.

«Может, будет лучше, если я стану давать им отпор с помощью их собственного оружия?»

– Что касается наших разговоров, – внезапно заговорил Гуффье, – я могу кое-что сказать.

– Ха! Говорите! – воскликнул Дюнуа, оживившись.

Целый час они вели ожесточенный спор. Оба перечисляли особые причины, с помощью которых партия мира подтверждала свое желание продлить договор с английскими оккупантами. Кер не принимал участия в обсуждении. У него в голове царил хаос.

Он уже собирался объявить, что из-за неотложных дел должен покинуть их компанию, даже не дождавшись королевского позволения, как вдруг услышал звук открывающейся двери. Через секунду перед ними появился король.

– Господа, я вижу, что вы опять вцепились друг другу в глотки. Неужели ваши споры будут продолжаться до бесконечности? Должен вам признаться, что они мне страшно надоели. – Через мгновение он добавил более спокойно: – Мне пришлось задержаться. Должен сказать, что мне не хотелось вас здесь задерживать. Боюсь, у нас уже не осталось времени, чтобы обсудить наши дела. Я предлагаю перенести наш разговор на завтра. У нас еще есть время для прогулки по саду перед ужином.

3

Кер был назначен инспектором королевского кошелька. У него была небольшая комната в башне, окнами выходившая на улицу Бовэ. Это было довольно неудобное место вдалеке от остальных служб. Наверное, поэтому у чиновников, которые нередко посещали Кера, было недовольное выражение лица. Да и бухгалтерские книги не содержали ничего приятного для них. Кер работал буквально не поднимая головы после того, как вернулся от короля. В течение двух с лишним часов он проверял продовольственные списки и по очереди давал указания гофмейстерам, слугам, писцам, лицам, ответственным за выдачу милостыни беднякам, и даже поварам. Это была не только утомительная и изматывающая, но и очень неприятная работа, потому что многие подчиненные, даже простые слуги, считали возможным смотреть на королевского казначея свысока. Они брали пример с господ, презиравших этого «выскочку простолюдина».

Когда Кер покончил со всеми делами, уже совсем стемнело. Драпировка на стенах и шторы слегка колыхались от ночного ветерка и сквозняков. «Королевский ужин наверняка уже закончился», – подумал он. Впрочем, это его мало волновало. Жак Кер, в отличие от большинства людей, был равнодушен к изысканной пище. Так даже лучше. Во время последнего осмотра королевский доктор посоветовал Керу следить за весом.

Кер принялся составлять деловые письма. Он делал это легко: перо быстро бежало по бумаге, королевский казначей не испытывал затруднений в выборе нужных слов. Каждое послание Кер аккуратно запечатывал и проставлял печать с изображением сердца, под которой красовался девиз: «Для храбрых сердец нет ничего невозможного!»

Потом Кер начал раздеваться, не позвав на помощь Никола.

«С меня хватит его ворчания целый день!» – подумал Кер.

Движения у него были замедленными – он очень устал. Казалось, снимая одежду, он снимает с себя все заботы дня.

Кер только собрался лечь в постель, как раздался стук в дверь. Он прикрылся одеялом и крикнул:

– Войдите!

Видимо, это была единственная незапертая дверь во всем Лувре, в нее вошел придворный чиновник.

– Господин Кер, вас желают видеть.

– Меня хочет видеть король? Чиновник поколебался, а потом ответил:

– Да, милорд Кер.

Кер быстро выпрыгнул из постели. Казалось, ему было приятно снова натянуть одежду, снова принять на себя свои обязанности и стать важным придворным, каким он был днем. Кер закончил туалет через три минуты.

Когда они вышли из комнаты, Кер понял, почему колебался чиновник. Они шли не к апартаментам короля, а отправились на нижний этаж через коридор, где уже дежурили ночные караульные. Эти люди шагали взад и вперед, топали ногами, чтобы окончательно не замерзнуть. Жак Кер слышал, как перегораживали на ночь цепями улицы, ведущие к дворцу.

Кер и его спутник прошли в дальнюю часть дворца и оказались в закрытом коридоре, который кончался тремя запертыми дверями. Провожатый открыл одну из них. Они поднялись по лестнице и вошли в какое-то помещение.

Глазам стало больно – Кер оказался в освещенной десятками свечей комнате. В очаге весело потрескивали поленья. В вазах и горшках стояли охапки паслена, ветки ели и туи.

В комнате было очень приятно, Кер понял, что она принадлежит женщине, обладающей хорошим вкусом. На стенах висели нарядные драпировки, украшенные богатой вышивкой. Кер догадался, куда его привели.

«Мы шли сюда обходными путями и могли прийти гораздо раньше, – подумал он. – А король идет еще более осторожно и пытается запутать следы. Когда он сюда наконец является, во всем дворце начинают болтать досужие языки, потому что всем известно, куда же шел король!»

Его размышления прервала дама, которой принадлежали апартаменты. Она остановилась в дверях, кивнула и улыбнулась гостю. Они взглянули друг другу в глаза и сразу друг друга поняли.

– Вы хотите поговорить со мной именно сегодня, госпожа Агнес?

– Да, дружище, вы правы.

Трудно передать словами очарование милейшей Агнес. Дело было даже не в ее прекрасных золотых волосах, яркой синеве красивых глаз и утонченности черт. Прелесть состояла в ее характере. Она была умной и храброй женщиной, милой, живой и решительной. Казалось, что Жак Кер понимал ее лучше других. Он был покорен. Так было всегда, когда им приходилось встречаться. Но он сразу отметил, что под глазами у леди Агнес залегли глубокие фиолетовые тени, и чувствовалось, что она устала и очень слаба.

«Время так несправедливо, – подумал Кер, – оно влияет даже на красоту такой женщины».

Агнес была одета в синее бархатное платье. Ее плечи прикрывала кружевная кремовая накидка. Будучи настоящей красавицей, она не подчинялась моде, предписывавшей женщинам в то время постоянно ходить в головных уборах. Она ничем не прикрывала волосы и поднимала их высоко. С ее руки на тонкой цепочке свисал молитвенник в золотом чехле.

Кер подумал, что наряд этой женщины тщательно продуман и прекрасно скроен. Лиф плотно облегал красивую грудь, и вырез-мысик как бы прорывался рядом золотых пуговиц. Юбка была разрезана сбоку почти до колен, и через этот разрез можно было видеть белую

пену кружев нижней юбки. Это было единственным штрихом, отражавшим моду того времени, стремление к изысканности.

– Я решила, что вам лучше прийти ко мне первым, – сказала Агнес. – Нам следует поговорить до прихода короля.

Кер еще не пришел в себя – он находился под впечатлением того, что увидел на лице Агнес признаки болезни. Кер нахмурился.

– Мне кажется, что вы устали.

– Вы правы, – кивнула Агнес. Похоже, она не хотела ему лгать. – Мой добрый Жак, дело не только в этом. Я давно уже себя плохо чувствую. У меня ухудшилось здоровье, и я неважно выгляжу.

– Госпожа Агнес, вы никогда не были более прелестной!

– Не стоит мне льстить. Я смотрю на себя каждый день в зеркало. У меня впали щеки и под глазами темные тени. Сегодня утром я нашла у себя три седых волоса. Я их вырвала с такой яростью, как истинно верующий должен отгонять от себя греховные мысли.

– Вы прекрасны и даже можете оказать мне большую честь. К нам поступил новый шелк с Востока, прекрасной расцветки, он продублирован другим материалом, и при каждом шаге этот материал шуршит. Если бы вы согласились носить платье, сшитое из этого материала, все дамы пожелали бы последовать вашему примеру...

Агнес Сорель с удовольствием заглотила приманку.

– Юбка шуршит при каждом шаге? Это очень пикантно и женственно. Я бы с удовольствием носила наряды из этого материала. Между прочим, мы с вами ввели в обиход множество разных вещей, не так ли? Мне кажется, что об этом никто не догадывается!

– Если Агнес Сорель что-то надевает сегодня, завтра того же желают все женщины Франции! – подтвердил Кер.

Леди Агнес начала говорить быстро и негромко:

– Дорогой друг, мне приятно слышать, когда вы говорите о моей красоте. Может, Бог смилуется и я не доживу до того дня, когда стану старой и на меня перестанут обращать внимание мужчины. Или... – она улыбнулась, – я не смогу вводить моду на новые наряды. Мне кажется, что со мной так не будет, потому что я должна вам сказать, что... Дела у меня весьма плохи. Я постоянно страдаю от слабости. Мне трудно вставать рано утром. У меня нет желания прогуляться, поехать верхом или потанцевать. Я всегда вела активный образ жизни, и теперь я уверена, что... мне осталось жить не так долго.

Она придвинулась к Керу ближе и заговорила шепотом:

– Жак Кер, я должна рассказать вам секрет. Вам вскоре придется кое-что сделать. Я завоевала внимание короля с помощью матери королевы. Вам в это трудно поверить, не так ли? Но это действительно было так. Я вам говорю правду. Иоланда, обладавшая щедрым сердцем, многое понимала и сама выбрала соперницу собственной дочери.

– Я вам, конечно, верю, – сказал Кер, – и понимаю, что у матери королевы были для этого собственные причины.

– Старая дама была очень мудрой, – продолжала шептать Агнес Сорель. – Она понимала слабости короля и знала, что у него всегда будет любовница. Она предпочла выбрать любовницу сама и знать, что она постарается принести королеве Марии меньше огорчений и поможет, чтобы его величество не слушал ненужные советы. Она выбрала меня.

– Ее выбор действительно оказался очень мудрым.

– Благодарю... Мне было не так легко, и я рада, что вы одобряете выбор матери королевы. – После паузы она быстро проговорила: – Она давала мне советы по каждому поводу и говорила, что мне следует воспользоваться своим влиянием в отношении окружавших короля министров. Она предпочитала вас, Жак Кер, остальным министрам. Вам было об этом известно? Она весьма высоко вас ценила и говорила, что Франция только выиграет, если

король станет прислушиваться к вашим советам. Да, она была очень мудрой женщиной. Франция потеряла весьма много после ее смерти.

– Франция много выиграла с тех пор, как родилась Агнес Сорель. Я знал, что Иоланда помогала вам все время. Агнес, вы оказались способной ученицей.

– Я знаю, что бы она сказала, если бы дожила до сих пор. Она сказала бы: «Дитя мое, вы должны смириться с правдой. Время пожинает свою жатву, и вам следует быть готовой, чтобы уступить место другой...» Да, она сказала бы именно это, хотя понимала бы, какую боль эти слова могут мне причинить. Я думала об этом прошлой ночью и решила поговорить с вами, рассказать вам о нашем совместном плане. У нас должен быть кто-то, кто... станет продолжать мое дело. Жак Кер, мне было не так легко прийти к подобному заключению. Я – гордый человек и привыкла быть на первом месте. Мне нравится обладать властью. Но я уже все решила. Простой ночью ко мне во сне пришла Иоланда. Она улыбалась. Это была прелестная улыбка, мудрая, как будто она обо всем знала и была довольна моим решением.

– Никто не сможет занять ваше место! – воскликнул Кер. – Король остается преданным вам. Если он когда-нибудь к вам переменится – а я уверен, что этого не случится, – у нас еще будет время обо всем подумать.

Агнес Сорель покачала головой:

– Об этом могу судить только я. Я старею. Жак Кер, Жак Кер, мне уже скоро будет сорок!

– Время становится не важным, если оно щадит вас.

– Я уверена, что вы мне очень преданы, и меня это успокаивает. – Агнес снова покачала головой и произнесла горькие слова: – Женщина, которая займет мое место... Да, именно так... Ее следует выбирать очень осторожно. Нам следует быть такими же предусмотрительными, какой была Иоланда. Мне кажется, что именно вы должны сделать выбор. Боюсь, что я не смогу быть полностью беспристрастной. Поэтому мне следует доверить вам этот важный выбор и потом поддержать его. Друг мой, я хочу вам дать только один совет. Вы должны быть готовы, когда возникнет необходимость.

– Вы обладаете смелостью, говоря мне это, – заметил Кер, – и это еще раз подчеркивает правильность выбора Иоланды.

– Мне кажется, что королеве всегда было все известно. Мне даже кажется, что ей об этом рассказала мать. Сначала я ей очень нравилась, и она всегда относилась ко мне весьма терпимо. Какое странное положение вещей для нас троих – Иоланды, королевы и меня! Мне кажется, что, когда придет время, королева не откажет мне в симпатии.

Агнес придвинулась к Керу, и ему пришлось взглянуть в ее необыкновенные синие глаза.

– Мне стало гораздо легче, когда я набралась храбрости и все вам рассказала. Мне кажется, что с моих плеч сняли огромный груз. Я просто переложила его на ваши плечи.

– Дорогая госпожа Агнес, это действительно страшный груз. Мне еще никогда не приходилось нести такую ужасную ношу!

Агнес не сводила с него глаз.

– Жак Кер, мне кажется, что вы всегда относились ко мне с симпатией.

– Да, – медленно сказал Кер. – Вы мне всегда нравились.

4

В комнату Агнес Сорель вошел Карл, король Франции. Он старался быть неузнанным и спрятал лицо в меховой воротник плаща. Карл мрачно оглядел комнату и сразу дал понять, что не ожидал встретить там Кера.

– Вы? Что вы тут делаете?

– Сир, я просила вас прийти сюда, – начала Агнес Сорель, умоляюще глядя на монарха, – потому что мне хотелось разбудить ваше удивительное чувство щедрости. Если бы вы только

поддались вашему инстинкту щедрости! Я надеюсь, что вскоре вы сделаете удивительный подарок. Нет, это не для меня, сир... Для народа Франции!

Карл переминался с ноги на ногу.

– Мне следовало все сразу понять! – воскликнул он. – Милая Агнес, вы желаете прочитать мне очередную лекцию? Выкладывайте побыстрее. Что я еще могу сделать для Франции более того, что я для нее уже сделал?

Агнес умоляюще взглянула на Кера, словно прося его поддержать непростой разговор. Она искала и не могла найти правильных слов. Поняв это, Кер заговорил:

– Сир, мне кажется, что я догадываюсь, о каком даре молит вас госпожа Агнес. Разрешите мне напомнить, что англичане до сих пор остаются в Руане.

Король был заметно недоволен.

– Вы что, желаете еще одной войны?

– Сир, – продолжила Агнес, – народ Франции не будет спокоен и счастлив до тех пор, пока захватчики полностью не освободят нашу землю. Война продолжается до сих пор, хотя ее никто не объявлял. Часть ваших подданных стонет под пятой захватчиков, а остальным достается от Свободных обществ. Сир, нам не нужна война – мы жаждем мира! Мир следует завоевать для несчастного народа Франции. Но для этого следует вышвырнуть с нашей земли англичан!

– Настал час, – вмешался Кер, – англичане ослаблены раздорами у себя дома; кроме того, можно воспользоваться тем, что у них маленькие гарнизоны. Нам представляется поразительная возможность покончить с этой Столетней войной. Мне не следует подчеркивать, что я – мирный человек. Сир, вы сами во всем прекрасно разбираетесь.

– Господи, неужели мне так и не будет покоя? – воскликнул король. – Жак Кер, вы, Дюнуа и де Брезэ не даете мне расслабиться. Теперь и моя Агнес, у которой я всегда искал покоя и тишины после напряженного дня, тоже начала принимать участие в подобных рассуждениях. При мне войны продолжались двадцать лет. Клянусь святым Дени, что этого вполне достаточно.

– Пока англичане остаются в Руане, у нас не будет мира, – повторил Кер.

Агнес Сорель опустила на колени перед королем.

– Мой господин, – сжимая его руку, шептала она, – когда я была ребенком, мне предсказали, что на мою долю выпадет любовь великого короля и знаменитого полководца. Сир, пусть предсказание исполнится! Закончите так хорошо начатую работу!

Карл высвободил руку.

– Легко болтать о войне. Допустим, что английские гарнизоны действительно невелики. Но что будет, если они снова переправят свои армии? Переживем ли мы еще один Азенкур или Креси?

– Ваше величество, вы разговаривали с Жаном Бюро? – спросил Кер,

– С этим бомбардиром? Да, я его выслушал. Я слушал эти рассказы о больших пушках, которые он может установить в Нормандии. Кер, это все мечты, а стрелы английских лучников – реальность. В прошлых сражениях они разнесли рыцарей Франции на кусочки! Нам нечем противостоять им.

– Сир, – воскликнул Кер, – победа в войне не зависит от рыцарства Франции! Мои слова могут показаться вам ересью, но я вынужден их произнести. Мне известно, что это – правда. Люди, чьи отцы проиграли при Азенкуре и чьи деды зря погибли при Креси, так ничему и не научились. Они до сих пор рассуждают и думают о войне как сто лет назад. Если все оставить в их руках, они честно погибнут, как и их отцы и деды сотню лет назад. Сир, но англичане тоже ничему не научились. Они верят в большой лук и считают его потрясающим оружием. У них нет орудий, подобных мощным бомбардам Жана Бюро. Англичанин по имени Уолтер Фицрауф, чей предок побывал в Китае две сотни лет назад, привез сведения о пушке. Он побы-

вал в Руане этим летом. Нам передали его слова. Он молил английское командование начать использовать порох и не полагаться на луки. Но над ним посмеялись. Англичане разгромили нас во время первых кампаний, потому что у них было это оружие. Теперь все переменялось. У нас имеется новое оружие, а англичане не желают признавать его преимущества. Сир, мы их можем легко разбить, и почти без кровопролития.

Король с мрачным видом выслушал страстный монолог своего казначея.

– Мой дорогой Кер, вы говорите слишком гладко, мне кажется, что вы заранее подготовили эту речь.

Кер улыбнулся:

– Сир, вы абсолютно правы. Это настолько важная проблема, что я заранее тщательно все продумал, прежде чем изложить вам. Я был бы плохим чиновником, если бы заранее не отрепетировал свою речь перед его величеством.

Карл снова нахмурился.

– Разговоры, только разговоры, – пробормотал король. – Как я могу быть уверен, что все это правда – в отношении этой пушки? Я не могу рисковать и проиграть.

– Мой великий король и полководец не может проиграть! – подхватила Агнес Сорель.

Король начал расхаживать по комнате. На нем был длинный плащ – в нем Карл выглядел более представительно, чем в короткой зеленой куртке. На лице его читались сомнение и неуверенность. Карл остановился у распятия на стене и погрузился в размышления.

Агнес Сорель посмотрела на него, повернулась к Керу.

– Как вы считаете, нам удалось чего-либо добиться сегодня? – шепотом спросила она. – Как вы думаете, он к нам прислушался? Мне кажется, да, но, может, я ошибаюсь.

Кер внимательно смотрел на сутулую спину короля. Через секунду он утвердительно кивнул:

– Я с вами согласен. Я уже научился понимать настроение короля, и мне кажется, что он с нами согласится. Он не сразу приходит к решению, и это вам известно, но через несколько минут, моя дорогая госпожа Агнес, вы поймете, что мы не зря вели с ним эту беседу.

Казалось, что у Агнес прибавилось сил. Она наклонилась и коснулась руки Кера.

– Если вы правы, – продолжала она шептать, – я буду очень довольна. Если даже окажется правдой то, в чем я виню мое слабое здоровье.

Кер медленно и неохотно кивнул:

– Если возникнет нужда, у меня есть для него предложение. Хотя мне придется пойти на огромный риск. Я постоянно об этом думаю и понимаю, чем мне все это грозит. Дорогая Агнес, после ваших слов я ощущал бы себя трусом, если бы продолжал колебаться.

У Жака Кера действительно были основания для колебаний. Он обладал даром видеть дальше других. Он начинал свой трудовой путь меховщиком в родном городе Бурже. Затем организовал лавку, где продавались разные товары. Позднее создал сеть магазинчиков во всех главных городах Франции. У него тогда было двадцать четыре лавки: две в Париже, две в Туре (там большую часть времени располагался королевский двор), четыре лавки в Лионе, шесть в Бурже, четыре в Монпелье, остальные были разбросаны по всей Франции. Керу не нравились мелкие лавочки с крохотными отверстиями в стене, прикрытыми кривыми ставнями. Его лавки находились в хороших домах и отличались богатым ассортиментом товаров. Людей с деньгами это очень привлекало, поэтому Кер сильно разбогател.

Основой всей схемы было то, что диктовало все его действия: соединение сил! Кер понимал, что торговля может стать решающей силой в цивилизованном мире, если, конечно, ею будут заниматься не только мелкие лавочники. Кер осознавал также, что торговля должна складываться из соблюдения общих интересов производителей, доставщиков и продавцов. Прежде всего он создал собственный флот, доставлявший ему товары с Востока. Во многих городах

Франции ему принадлежали крупные фабрики по производству тканей, обуви, шляп, перчаток, доспехов. Он начал покупать шахты.

Им двигало не только желание обладать властью и быть очень богатым. Он считал, что именно так должна развиваться торговля и производство товаров. В мире было много естественных ресурсов, но люди еще не умели как следует их использовать. Коммерция могла соединить воедино многие отрасли, и товары со всего мира могли стекаться в одно место и продаваться там по доступным для многих людей ценам. Кер часто повторял:

– Я хочу, чтобы жена ремесленника носила шелка, подобно благородной придворной даме, а самый бедный лудильщик мог приправить вино специями с Востока.

Он был настоящим королем в торговле. Но то, что Кер собирался сейчас предложить королю, могло подорвать основы его империи.

Король развернулся и приблизился к Керу и Агнес Сорель. Он продолжал хмуриться, но было видно, что он созрел для принятия решения.

– Допустим, все, что вы сказали, – правда, – начал король, – однако существует одна сложность, о которой вы не упомянули. Я тоже не могу найти на это ответ. Деньги, Жак Кер. Мне не нужно напоминать вам о пустой казне. Как мы сможем оплатить стоимость еще одной войны?

Кер молчал. «Теперь твоя очередь, Жак Кер, принести жертву на алтарь Франции, – размышлял он. – Тебе следует отдать свое богатство, будущее и все, что тебе удалось создать. Ты можешь потерять все, что имеешь. Ты увидишь, как мечта о другой жизни растворится в тумане прошлого. Стоит ли игра свеч? Достанет ли тебе мужества предпринять этот шаг?»

– Деньги, – вздохнул Карл, – это почти всегда основная проблема.

Кер осторожно сказал:

– Сир, мы выплатим стоимость войны плодами мира.

– Армиям нельзя платить обещаниями. Солдатам нельзя обеспечить оружие и кормить их надеждами будущего процветания. Откуда у нас будут деньги? Как вы считаете, сколько понадобится денег для ведения войны?

– Двести тысяч экю, сир.

Король был поражен, он не ожидал услышать о подобной сумме.

– Мне все равно – дотянуться до луны или пытаться набрать столько денег! – воскликнул Карл. – Я не могу вводить новые налоги! Народ уже разорен. Что вы еще придумали? Повысить налог на соль или на землю? Может, увеличить налог на очаг? Вы хотите, чтобы начались новые волнения?

Кер перестал колебаться:

– Ваше величество, я могу достать необходимые деньги сам.

Король и его казначей некоторое время молча и пристально смотрели друг на друга. Выражение лица монарха изменилось – у него в первый раз после начала разговора загорелись глаза.

– Но каким образом? – потребовал ответа Карл. – Вы это сделаете как королевский министр?

Кер отрицательно покачал головой:

– Нет, сир. Я это сделаю как простой гражданин Жак Кер. Я – богатый человек и могу взять деньги в кредит.

– Если мы выиграем войну, я вам все выплачу, но если нет... – Король сделал паузу и покачал головой. – Вы понимаете, что это значит? Вы готовы рисковать своим имуществом ради этой... опасной игры?

Ответ королевского казначея был решительным. В его голосе не было страха или неуверенности:

– Для меня мое богатство, будущее моих предприятий ценно тем, что я могу начать с их помощью помогать Франции. Мне известно, что такое риск, но я уверен в будущем. Сир, я отдаю вам все, что принадлежит мне.

Глава 2

1

Прежан Кеннеди целый день ехал по унылой местности. Компания толстого священника на плотной лошадке только усиливала скуку. Церковник присоединился к шотландцу, чтобы ему не было страшно путешествовать, ведь кругом были грабители и разбойники. Члены Свободного общества не только сжигали деревни и замки, ими владела безотчетная жажда разрушения – они уничтожали даже указатели на перекрестках дорог.

Вот тут-то и было видно, что война в стране продолжалась сотню лет. Прекратилось нормальное течение жизни. Было странно видеть, как кто-то смотрит на тебя из руин дома, как корова бесцельно бродит по почерневшему от огня полю. Казалось, даже дороги перестали быть прямыми. Они извивались, как в заколдованном лесу, колебались на перекрестках и словно со страхом продолжали свой путь вперед. Солнце перестало светить мягко и ласково. Возможно, это только казалось потерявшим надежду людям. Но над полями и лесами мрачно хлопали крыльями черные птицы, с холмов постоянно дул резкий ветер. В этих местах люди глядели друг на друга с подозрением и, повстречавшись, спешили побыстрее расстаться. Если всадник заранее не запасся пищей, ему приходилось в течение всего пути терпеть голод – помочь ему никто не хотел.

Попутчики доехали до перекрестка. Священник впервые за весь день замолчал, когда увидел длинную процессию, направлявшуюся с севера. Возглавлял ее богатый дворянин, его сопровождали множество рыцарей в звякающих доспехах. За ними следовали оруженосцы и охрана, слуги и раздатчики милостыни. В центре кавалькады следовала карета того типа, которую обычно использовали дамы, сопровождающие охоту. Она была открыта. Там сидела женщина средних лет в роскошном головном уборе с белыми перьями. Лицо под вуалью казалось больным и очень суровым. Впереди, на ярко украшенных носилках, следовала молодая женщина. Видимо, это была дочь важных дворян. С одной стороны носилок ехал паж, а с другой – священник. Девушка вела себя очень надменно, на ее руке сидел сокол.

Это была молодая пухленькая красавица. Ее высокую шляпу украшали кудрявые развевающиеся перья. Платье ее было сшито из ярко-синего бархата и отделано кремовыми кружевами на шее и на запястьях. Иногда из-под юбки высовывался кончик ее блестящего кожаного красного башмачка.

Священник принялся размышлять о том, кем могут быть эти люди. Может, добрый король из Сицилии прибыл навестить сестру и свояка во Франции? А может, это богатый граф де Фуа или великий граф де Сан-Поль? Нет, наверно, это был Хаварт, резчик-эсквайр короля, чьей формой был *наряд из лазурного бархата*.

Прежан Кеннеди не обращал внимания на болтовню священника. Он потуже обмотал свою длинную жилистую шею клетчатым платком и стал смотреть на дорогу, по которой ехала странная процессия. Он снял железную перчатку и потянул себя за седой ус. На его длинном суровом лице появилась усмешка. «Что же это такое?» – спрашивал он себя.

Повозка чем-то напоминала шарабан. Укрепленное на двух шестах сиденье бьио неустойчивым. Оно то оседало, то подпрыгивало при каждом повороте, и казалось, что находившийся там человек вот-вот слетит вниз. Повозку тащила парочка старых мулов, управлявшая ими девушка постоянно отдавала команды:

– Давай, Оливер! Если вы будете так медленно двигаться, мы никогда не доедем до харчевни. Аннет, Аннет, не ленись! Прошу же вас!

Шотландцу было понятно ее волнение, потому что девушка ехала одна.

– Взгляните, – обратился он к священнику, – какие разные эти две молодые особы. Я понимаю, что вы взволнованы видом красотки в бархате. Должен признаться, она не так уж плоха. Но, отец Имберт, я должен сказать, что предпочитаю вон ту храбрую девчущку, которая гораздо ближе к раю, находясь на этом поразительном ковчеге. Мы можем ей в этом только позавидовать.

Лес близко подходил к дороге, и девушка оказалась в центре дворянской процессии еще до того, как она смогла сообразить, в чем дело. Ее мулы очень устали, колесо застряло в яме. Девушка испугалась и изо всех сил пыталась подбодрить мулов, но все было напрасно. В суматоху пришлось вмешаться молодой госпоже, возглавлявшей кавалькаду.

– В чем дело? – капризным голосом спросила она. – Что за наглость? Как она могла попытаться помешать нам проехать? Эдуард, пусть она быстрее убегает отсюда!

Капризница отдала приказание пажу, но он не знал, как его выполнить.

– Госпожа, у нее застряло колесо. Нам придется подождать, пока она его освободит!

– Лентяй, спешивайся и подтолкни повозку! – начала бушевать юная дворянка. – Все спешивайтесь и уберите эту ужасную повозку с дороги! – Вдруг у нее изменилось настроение и она начала хохотать. – Господи, да что же это такое? Эта девица изображает из себя огородное чучело? Эдуард, пусть она шевелится. Может, она удрала из цирка и под грязным покрывалом у нее прячутся дрессированные мартышки?

Паж попытался угодить хозяйке:

– Госпожа, я сейчас выполню все ваши приказания!

Он спешил и начал колотить ближайшего мула древком вымпела. Животное напряглось, но повозка не пошевелилась. Мальчишка стал колотить мула сильнее.

– Прекратите, вы же причиняете ему боль! – крикнула девушка.

Мальчишка усмехнулся.

– Мне хочется побольнее ударить этого старого упрямого мула, – ответил он.

К ним подошел один из караульных с пикой в руке.

– Поглядите! – крикнул он, вонзая пику в заднюю ногу мула. Животное громко завопило от боли и рванулось вперед, таща за собой напарника. Колеса заскрипели и начали вращаться. Неуклюжее сооружение затряслось и поехало. Караульный пожелал подкрепить победу и еще раз сильно ударил по раненой ноге мула. Испуганная парочка потащила шарабан через кучу камней, сложенных у дороги. Сиденье тряслось, словно верхушка дерева во время грозы, а девушка изо всех сил пыталась удержаться и не упасть вниз.

Большинство благородных путников поспешили вперед, чтобы вдоволь насладиться потешной сценой. Они хохотали так, что сгибались пополам от смеха. Женщины повизгивали и хихикали. Даже благородная девица присоединилась к общему веселью. Священник тоже хохотал так, что ему пришлось утирать слезы грязным рукавом рясы.

Кеннеди развернул коня. Он хотел перехватить разбушевавшихся мулов и остановить повозку. Но он опоздал. Дорога резко повернула, испуганные животные понеслись с такой скоростью, что повозка опрокинулась. Одно колесо слетело и помчалось по дороге, как детский обруч. Слышался звук ломающегося дерева.

Кеннеди видел, как черный кот, который спал на сиденье рядом с девушкой, взлетел в воздух и всеми четырьмя лапами уцепился за ствол стоявшего рядом дерева. Девушке не повезло – она упала на дорогу. Кеннеди спешил и подбежал к ней, чтобы помочь.

Девушка оперлась на его руку и с его помощью поднялась на ноги. Капюшон ее дешевенького плаща откинулся, и шотландец увидел светлые волосы, отливавшие золотом на солнце. «Мне бы хотелось увидеть ее в одеждах той, богатой девицы!» – подумал Кеннеди.

Старый плащ бедняжки совсем порвался. Девушка была с ног до головы покрыта пылью. На лбу у нее была ссадина, руки сильно поцарапаны. Девушка с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать.

Сначала Кеннеди подумал, что она чуть не плачет от ушибов. Но когда девушка заговорила, он понял, что она кипит от ярости.

– Животные, проклятые жестокие животные! – кричала она. Незнакомка пыталась стереть с лица грязь. Заметив, что богатая барышня, усмехаясь, следит за ней, она разозлилась:

– Мне хочется выцарапать ей глаза!

Она повернулась и направилась было к перекрестку, но Кеннеди схватил ее за рукав:

– Не спеши, дитя мое. Тебе не нужно с ними спорить. Им ничего не стоит избить тебя, как они это сделали с твоим мулом. Они могут забить тебя до смерти, и я не смогу противостоять всем этим людям, чтобы защитить тебя. Хотя я один из лучших бойцов Франции. Ты в этом можешь быть уверена.

Девушка отбросила его руку и решительно зашагала вперед. Кеннеди не стал ей мешать и только пробормотал:

– Кто ищет беду, обязательно ее найдет.

Девушка остановилась в нескольких шагах от молодой нахальной дворянки. Шотландец еще раз убедился, как сильно они отличались друг от друга: аристократка – в бархате и золоте, надменная и прелестная, со сверкающими черными волосами и яркими темными глазами. И бедная девушка – в коричневатом, плохо сшитом, грязном и рваном плаще. Но все равно она была очаровательна: от золота ее волос исходило сияние, а ярко-синие глаза буквально лучились. Несколько мгновений они в молчании с неприязнью разглядывали друг друга. Каждая по достоинству оценила красоту противницы, но от этого неприязнь только усилилась.

– Вы даже не можете себе представить, что сделали! – заявила девушка, стоявшая на земле. – Даже такая, как вы, не имеет права быть столь жестокой и бессердечной!

– Если ты произнесешь еще одно слово или посмеешь нас задерживать, – ответила ей богатая девица, – я прикажу, чтобы мои слуги привязали тебя к дереву и по заслугам отделали!

– Моя повозка пострадала. – У бедной девушки дрогнул голос. Некоторое время она молчала, пытаясь взять себя в руки. – Под этим покрывалом находится тело моего отца. Он умер прошлой ночью. Я искала место, где можно его похоронить. – Она перекрестилась. – Что мне теперь делать?

Все сразу замолчали. Оруженосцы и охранники не сводили взгляда с несчастной девушки. Они переминались с ноги на ногу, и было ясно, что всем им стало стыдно. Даже знатная девица, казалось, испытала смущение. Она гордо откинула голову и отдала приказ человеку, ведавшему раздачей милостыни:

– Отец Аброуз! Дайте ей денег, чтобы хватило на похороны и ремонт повозки. А теперь все по местам! Мы потеряли слишком много времени!

Раздатчик милостыни достал небольшую золотую монетку и подошел к несчастной. Он положил деньги ей в руку и быстро пробормотал:

– Благословляю тебя, дочь моя, – а затем поспешил обратно. Девушка некоторое время не двигалась и смотрела на монетку. Потом подняла голову – щеки у нее разгорелись, глаза метнули злые молнии.

– Правда, что вы мне должны компенсацию за то, что поломали повозку. Но вы подали мне милостыню. Я ничего не приму из ваших рук. – Она взглянула в глаза молодой госпожи. – Вот! – Она швырнула монетку слугам. – Поделите ее между собой. У меня отсохнут руки, если я не освобожусь от нее!

– Ты слишком забываешься! – воскликнула богатая девица. – Я не собираюсь терпеть твою дерзость! – Она бушевала от ярости и начала обзывать бедную девушку: – Бродяжка! Плебейка! Тебя нужно за это как следует выпороть!

– Вам не только не хватает терпения! Могу сказать вам откровенно, что вам незнакомо чувство справедливости и приличия!

– Довольно. Эдуард, Бертран, Жюль! Уберите эту отвратительную грязнуху с глаз моих! Если вы ее не отхлещете как следует, ваши спины тоже покроются рубцами от плеток!

Слуги не успели подойти к бедняжке, как один из рыцарей выехал вперед и сказал:

– Минуту, прошу вас, госпожа Элис.

Этот человек выделялся среди остальных. У него было выразительное, умное лицо. Видно было, что он много знает. Этим качеством обладали отнюдь не все знатные господа. Глаза и волосы у него были темными, лицо длинным и несколько изможденным. На вид ему было лет тридцать. Молодой человек был одет богато и с большим вкусом: шляпу украшали красивые перья, плащ был отделан мехом, лосины плотно обтягивали ногу, как того требовала последняя мода.

Однако в первую очередь обращала на себя внимание его сабля – удивительно длинная, с пышно украшенным эфесом, как принято на Востоке. Это было опасное оружие.

– Госпожа Элис, – промолвил рыцарь, подъезжая к молодой знатной особе, – мне кажется, что вы не подумали, когда отдавали подобное приказание. Позвольте мне заметить, что ваш отец, если бы он был здесь, посчитал бы виноватым себя и попытался бы каким-то образом исправить положение.

– Я пыталась именно так и сделать, сир д'Арлей! – воскликнула девушка. – Вы видели, что она сделала с пожалованными ей деньгами. Она посмела спорить со мной, а этого я не потерплю!

– Мне весьма неудобно, – колеблясь, заявил д'Арлей. – Я путешествовал с вами два дня и уже начал считать себя вашим гостем. Но я должен признаться, что я не позволю вам или вашим слугам обижать эту несчастную девушку!

Молодая особа обрушилась на него:

– Сир д'Арлей, вы к нам присоединились в поисках защиты! Мне вы кажетесь неблагодарным, если вмешиваетесь в те вещи, которые вас абсолютно не касаются! Моя мать больна, но я уверена, что она так же, как и я, считает, что вам лучше покинуть нашу процессию. – Глаза ее сверкали от злости. – Нам будет приятно продолжить путь без вас. Воздух станет чище! И не будет пахнуть торгашами!

– Вы, вне сомнения, имеете в виду мои связи с Жаком Кером? Но разве вам не известно, каким образом вашему отцу удалось достать новые земли в Бене? – Рыцарь перестал хмуриться и улыбнулся. От улыбки изменилось серьезное выражение его лица. – Леди Элис, я вас достаточно знаю, чтобы не принимать во внимание все те вещи, которые вы наговорили в порыве злости. Но я постараюсь проследить, чтобы вы не наказали бедную девушку.

Вмешательство сира д'Арлея остановило слуг богатой девицы, и они, переминаясь с ноги на ногу, ожидали дальнейших приказаний. К всеобщему облегчению, она решила продолжить путь. Девушка отдала приказание следовать дальше на север.

Сир д'Арлей наблюдал, как мимо проследовала длинная процессия, он взглянул на слугу, который был рядом с ним.

– Хелион, мы теперь отделились от прежних спутников. Что ты думаешь о нашей новой компании?

Слуга презрительно фыркнул:

– Ничего себе компания! Д'Арлей улыбнулся:

– Хелион, мне иногда кажется, что ты больше заботишься о моем ранге, чем я сам, и постоянно смотришь на людей сверху вниз.

– Я – слуга Робина де Бюрея, сира д'Арлея, и мне кажется, что этими титулами стоит гордиться. Господин, когда вы родились, я был в Монтань-Нуар и нахожусь у вас на службе с тех пор, как вы унаследовали поместье Арлей. Ваши слуги не должны обращать внимания на всякую рвань.

– Что ты думаешь об этом высоком солдате, у которого на шее яркий клетчатый платок?

- Это – пожиратель баранины.
- Шотландец? Наверное, ты прав. А что ты думаешь о священнике?
- Он проповедует где придется, и у него с собой нож.
- А как насчет девушки? Хелион заколебался.
- Господин, я никак не могу решить, кто же она такая...
- Хелион, тут я полностью тебя поддерживаю. Я также не могу прийти к какому-то определенному выводу.

2

Прежан Кеннеди и девушка стояли у разломанной повозки. Кеннеди, колеблясь, посмотрел на застывшее под одеялом тело на дне повозки.

– Вы сказали им правду? – спросил он.

– Да, господин. Мой отец умер прошлой ночью. Все случилось так неожиданно. Его мучили страшные боли, а я ничем не могла ему помочь. Я пыталась найти кого-нибудь, но на многие мили вокруг нас не было никого. И мне... пришлось сидеть с ним рядом и смотреть, как он умирает.

– Девочка моя, я вижу, тебе пришлось нелегко. Но, наверное, у тебя много денег, если ты так легко рассталась с золотом?

– У меня есть деньги, только чтобы заплатить за одну ночь в харчевне.

Кеннеди смотрел на осунувшееся личико почти с ужасом.

– Ты что, сошла с ума? У тебя в голове поселились пчелы, если ты позволила сделать подобную вещь! То, что ты сделала, является гордыней и большим грехом!

– Я могу продать мулов. Теперь, когда повозка сломана, они мне больше не пригодятся. – Девушка совсем погрузилась. – Мне будет трудно с ними расстаться. Они были нашими верными друзьями!

Она подошла к мулу, которому нанес рану слуга гордой аристократки, и обняла его за шею.

– Бедняга! Мой верный старый Оливер! Как ужасно быть мулом и постоянно перевозить тяжести! Сейчас ты стал старым, и тебе нанесли болезненную рану, а мне придется тебя продать!

Казалось, что девушка сейчас разрыдается.

– Мне так стыдно, старина Оливер!

Кеннеди внимательно осмотрел мулов. Он заглянул им в пасть и проверил ноги.

– Через год их можно отправлять на живодерню, – заметил он. – Но тебе повезло, малышка. Люди купят все, что имеет четыре ноги, и тебе дадут хорошую цену за этих жалких мулов.

– Хватит ли мне денег, чтобы устроить отцу приличные похороны и чтобы священник произнес над могилой слова молитвы? – волнуясь, спросила девушка. – Я его очень любила, но, клянусь Богом, ему понадобятся молитвы, и как можно больше. Он сильно пил, и даже когда был трезвым, совсем не был набожным.

– Да, денег хватит... если только нам удастся его похоронить. И даже могут остаться несколько монеток для тебя. Я очень хорошо умею торговаться, и ты должна доверить продажу мулов мне.

– Я буду вам очень благодарна. Вы снимете с моей души камень. Я совсем не умею торговаться.

Тем временем д'Арлей спешился, подошел к девушке и ее спутнику. Он внимательно рассмотрел шотландца, потом перенес свое внимание на девушку. Д'Арлей резко остановился, удивленный. «Я уже видел ее раньше», – подумал он. Нет, не может быть. Он понял, что оши-

бается. Девушка очень напоминала ему кого-то, кого он хорошо знал. Д'Арлей был в шоке от этого открытия. Но он никак не мог вспомнить, кого именно ему напоминала эта девушка.

– Мадемуазель, могу я узнать ваше имя?

– Валери Марэ. – Девушка держалась очень скромно и не поднимала глаз. Она вела себя совсем не так, как некоторое время назад, когда спорила с надменной аристократкой. – Милорд, вы очень добры, что заступились за меня.

Д'Арлей подумал: «У нее низкий, красивый голос. Где она могла научиться так правильно выражаться?» Вслух он спросил:

– Откуда вы, мадемуазель?

– Милорд, у нас не было дома. Моего покойного отца звали Дамианом Марэ, он играл в мистериях из жизни Иисуса Христа. Мы постоянно путешествовали.

Кеннеди приподнял покрывало и взглянул на мертвого актера. Потом он снова прикрыл его и обратился к девушке:

– Девочка моя, у него очень благородная внешность. Я мог бы подумать, что он был проповедником священного слова или философом, а не актером, занимавшимся еретической ерундой.

Валери Марэ взорвалась.

– Вы ошибаетесь! – воскликнула она. – Мистерии – хорошие пьесы, и они приносят людям много добра!

– Я видел много мистерий и согласен с вами, – поддержал девушку д'Арлей.

– Милорд, мой отец был хорошим актером, – гордо заявила девушка. – Но у него не все шло так, как ему хотелось бы! У него были короткие и кривые ноги, и ему приходилось играть разбойников, а иногда даже комические роли. Самая лучшая роль, которая ему досталась, – роль Иуды, иногда он изображал Злобу, а один раз – Зависть.

Ей очень хотелось обелить мистерии в глазах Кеннеди, и она принялась превозносить способности отца:

– Вы бы видели его в роли Иуды! Или Саймона Магуса! В этой роли он даже показывал фокусы. Все утверждали, что он действительно был самым лучшим и просто неподражаемым Саймоном со времен немца Антона Фреша, того самого знаменитого фокусника. Господа, мой отец всегда мечтал сыграть роль Христа в Воскрешении. Но разве он мог играть эту роль с такими кривыми ногами? Мне кажется, из-за расстройства по этому поводу он и пил так много в последнее время!

Д'Арлей продолжал размышлять о странном поведении девушки: такая разительная перемена – некоторое время назад она была дерзка, почти груба, а теперь предельно учтива. Кто же она? Эта девушка употребляет слова и выражения, присущие воспитанной, благородной девице, а не простой погонщице мулов. Она совсем не похожа на дочь бедного бродячего актера. Тут что-то не так. Есть какая-то тайна. Интересно бы узнать.

Д'Арлей не сводил с девушки глаз. Ее черты лица казались д'Арлею очень знакомыми. Все: глаза, волосы, постоянно меняющееся выражение лица... Где-то он все это уже видел, причем не так давно и не один раз?.. Он старался вспомнить, но ничего не получалось, тот, знакомый образ расплывался и куда-то исчезал.

Молодой человек вновь поразился, когда опять стал внимательно разглядывать Валери: у нее был открытый широкий лоб, он говорил об уме. Носик был прямым и изящным. Нет, она явно не похожа на крестьянку! Сначала д'Арлей посчитал ее просто хорошенькой, но потом понял, что перед ним – настоящая красавица.

Ему не терпелось поскорее внести во все ясность, и он принялся задавать Валери вопросы:

– Вы родились в Анжу? Девушка покачала головой:

– Нет, милорд. Я родилась в Берри. Так мне всегда говорили. Д'Арлею стало абсолютно ясно, что в ее прошлом и скрыта тайна.

– И ваши родители в этом абсолютно уверены? Девушке, похоже, было неприятно отвечать на его вопросы.

– Это... очень длинная и старая история, господин. Вам она не будет интересна.

«А мне не стоит пока настаивать на том, чтобы Валери все сразу о себе рассказала, – подумал он. – Я все узнаю позже». И он задал другой вопрос:

– Вам, наверное, пришлось много путешествовать по стране?

– Мы переезжали с места на место всю мою жизнь. Я объехала всю Францию, кроме – вам может быть смешно, кроме Парижа. Там мне не удалось побывать. – У нее загорелись глаза. – Я даже была там, где родилась Орлеанская Дева. Я стояла там очень долго, и мне показалось, что со мной также начал вести разговор Волшебный Голос. Как-то у отца не было работы, я его попросила, чтобы он отвез меня туда, где она вела наши армии. Когда наконец проснется наш король и вышвырнет Годонов из Франции, я отправлюсь в Руан, чтобы помолиться там, где она умерла.

– Мне кажется, – медленно произнес д'Арлей, – вскоре может представиться возможность побывать в Руане. – Он заколебался, так как не был уверен, можно ли рассказать ей, зачем это нужно. – В последние полгода я побывал в разных частях Франции. Мне необходимо узнать, как относятся люди к проблеме продолжения Столетней войны. Я знаю следующее: народ жаждет войны, и королю придется с этим смириться.

– Господин, я молю Бога, чтобы вы оказались правы. И тогда явится другая Дева и поведет за собой французские войска!

– Возможно, этого не понадобится, – сухо заметил д'Арлей.

Наступила тишина, а потому д'Арлей обратился с вопросом к шотландцу:

– Как вас зовут?

– Прежан Кеннеди.

Шотландец был поражен тем, что его имя ничего не говорило д'Арлею. Он нахмурился и добавил:

– Оказывается, я здесь почти неизвестен.

– Господин Прежан Кеннеди, мне непонятно, почему вы должны быть мне известны?

– Я знаю о бомбардах больше, чем любой человек в мире. Может, вам будет интересно знать, что я командовал батареей пушек в сражении с язычниками-турками? Сейчас я отправляюсь к господину Жаку Керу. Он обо мне все знает и позаботится, чтобы я командовал, когда мы снова начнем сражаться с англичанами.

– Да, действительно, я слышал, как Жак Кер рассказывал о вас. Сэр шотландец, вы должны простить мою забывчивость.

– Мой отец сражался при Азенкуре, как это делали многие из моих храбрых соотечественников, – гордо и обиженно продолжал Кеннеди. – Он умер от торчавшей у него из горла стрелы англичанина. Сэр рыцарь, я сам тридцать лет участвую в ваших войнах. Но ничего не заработал. – Он взглянул на небо и покачал головой. – Сейчас пойдет дождь, и мне кажется, что мы проведем ночь в сырости... Моя мать была француженка, а я родился в Мейболе в Эршире. Пусть земля будет пухом моей милой матушке. Она зря назвала меня в честь своего отца. Имя не сочетается с шотландской фамилией, но я должен признаться, что пытаюсь с честью носить это имя и фамилию. Я – Кеннеди из Кассилиса, – гордо добавил он.

– Наверно, это очень важно для вас!

– Да, – подтвердил шотландец. – Это весьма важно в Шотландии. И везде, где я побывал, – добавил он, нахмурился.

Наступила тишина. Д'Арлей поинтересовался:

– Вы, господин Кеннеди, имели дело со Свободным обществом?

Шотландец резко дернул головой.

– Это правда, – сказал он, помолчав. – Я – солдат, и мне нужно существовать. У меня даже некоторое время был собственный отряд и дела шли очень хорошо. Я всегда стараюсь, чтобы во всем, что я делаю, у меня были лишние доходы. Для меня важна даже маленькая прибыль. Вы можете на это что-то возразить, господин д'Арлей?

– Мне не нравится, когда человек считает, что имеет право грабить беззащитных и невинных людей. С тех пор как с Англией был заключен договор о перемирии, Свободные общества вдоволь попили кровушки из народа Франции.

– Свободные общества в основном состоят из французов, – заметил шотландец. – Что вы скажете по этому поводу, сир д'Арлей?

– Ничего не могу сказать, потому что, к сожалению, вы правы. Наверное, сто лет войны превратили нас в дикарей!..

Откуда вы едете? – Д'Арлей обратился к священнику, пытаясь закончить спор с шотландцем.

Он ждал ответа и внимательно разглядывал служителя церкви. На лице старика было столько фиолетовых жилок, что оно напоминало карту мира. Отец Имберт произвел на д'Арлея впечатление вполне приятного и правдивого человека, правда не с первого взгляда.

– Я из Прованса и везу важные бумаги в Париж, – ответил священник.

– Теперь, когда вы удовлетворили ваше любопытство в отношении нас, – нетерпеливо сказал шотландец, – могу ли я спросить, удастся ли нам поужинать? У девушки нет ничего, кроме кувшина вина, которое мне кажется разбавленным и прокисшим. Да еще буханка старого хлеба. Мы со священником плотно поели днем, зная, что попадем в харчевню только ночью. Сейчас у нас нет с собой ни крошки.

– Что у нас осталось, Хелион? – спросил слугу д'Арлей. Слуга был недоволен.

– Господин, у нас еды хватит на всех. Есть жареная птица и еще кое-какое мясо. Также у нас имеется вино и хлеб.

– Это просто чудесно, – с облегчением заметил шотландец.

Девушка робко вмешалась в их разговор:

– Господа, я умею хорошо готовить. Если мы сможем развести костер, я бы могла быстро приготовить что-то горячее... если господин доверит мне продукты.

– Мадемуазель, я это сделаю с превеликим удовольствием. Хелион научился прекрасно разводить огонь с тех пор, как мы отправились в путешествие, и он, конечно, поможет вам. А мы поставим палатки на случай, если пойдет дождь. Как вы нам предсказывали, наш храбрый капитан Свободного общества, дождь действительно может начаться.

Когда Валери Марэ увидела продукты, которые перед ней выложил Хелион, она просто обомлела: так много всего! Девушка решила, коль скоро она похвасталась своим искусством кулинарки, то должна постараться изо всех сил. Валери вознамерилась приготовить особое блюдо. Для этого она налила в кастрюльку вино и масло, добавила туда пряные травы, лук-порей и немного чеснока. Она порождала, пока все подрумянится, и насыпала в кастрюльку немного муки, потом положила мясо жареного каплуна и только в последний момент добавила порезанные финики и сушеную мушмулу. От рагу шел чудный аромат.

Валери сняла кастрюльку с огня и поставила ее на землю, где уже устроились трое мужчин, Хелион держался немного поодаль. Мужчины расположились полукругом и нетерпеливо ждали начала трапезы.

Девушка не собиралась присоединяться к ним, и д'Арлей удивленно и очень выразительно посмотрел на нее.

– Мадемуазель, если вы не станете с нами есть, еда потеряет для нас всю прелесть.

Валери покачала головой:

– Господин, мне не следует так делать. Мой отец всегда ел первым, а потом садились есть моя мать и я. Так принято во время путешествий.

– Нам придется изменить этот обычай. – Д'Арлей подвинулся, чтобы девушка могла присоединиться к остальным. – Садитесь со мной рядом, и мы предложим вам пищу в первую очередь.

Ему не удалось выполнить обещание, потому что Прежан Кеннеди уже опустил ложку в котелок. Он проглотил первую порцию и с одобрением покачал головой.

– Вкусное блюдо, – сказал он, облизывая губы. – В Шотландии мы варим это без всяких хитрых приправ. Хорошая пища помогает шотландцам стать сильными, с крепкими руками и рассудительными головами. Эти крепкие руки прогонят англичан за Ла-Манш, когда для этого наступит подходящее время.

Кеннеди понял, что его похвальба вызвала у спутников раздражение, и тут же добавил:

– Я хочу сказать только одно – рыцари Франции не смогут выиграть войну, если она разразится.

Д'Арлей неохотно сказал:

– Я с вами согласен.

– Войну можно выиграть только с помощью пушек и бомбард. Многие предусмотрительные шотландцы станут служить в качестве бомбардиров.

Некоторое время царило молчание. Все были голодны и ели с большим удовольствием. А девушке было приятно, что все спутники оценили ее усилия. Д'Арлей обратил внимание, что Валери так и не приняла участия в трапезе.

– Я понимаю, почему вы не едите, – сказал он. – Но вы не должны поддаваться горю. Начинайте есть! На время хотя бы расстаньтесь с печальными мыслями и поешьте, пока эти голодные волки не выскребли котелок дочиستا.

– Милорд, у меня отсутствует аппетит.

Но все-таки Валери послушалась д'Арлея и начала медленно есть.

Дождь еще не начинался, хотя небо совсем потемнело. Не было видно ни звездочки. Вокруг огня сновали летучие мыши. Каминка-попутчик покружилась и улетела, затем вернулась, крича: «Чат! Чат!» Где-то рядом ухала сова.

Д'Арлей постоянно наблюдал за Валери и заметил, что у нее все время меняется настроение. Сначала она не поднимала головы, вздыхала и не интересовалась пищей. Потом глаза засверкали, руки крепко сжались в кулаки. Д'Арлей был уверен, что она вспоминает ссору с Элис. Он подумал: «Эта девушка обладает сильным и воинственным характером».

Валери расслабилась, казалось, она что-то вспоминала. Руки свободно лежали на коленях. Глаза невидяще уставились в темноту.

– О чем вы думаете? – спросил д'Арлей. – Мне кажется, что вы находитесь очень далеко от нас.

Девушка покраснела.

– Мне стыдно признаться. Это... это нечто весьма тривиальное. Если вам станет известно, о чем я только что размышляла, вы плохо обо мне подумаете.

Остальная компания продолжала с аппетитом есть, не обращая ни на что внимания. Чавканье Хелиона было отчетливо слышно, хотя он и сидел особняком. Хелион расположился не слишком близко к огню, чтобы не проявлять непочтительности к знатным особам, но и не слишком далеко, дабы не лишать себя возможности погреться. Д'Арлей придвинулся ближе к девушке.

– Расскажите мне, – настаивал он. Девушка колебалась:

– Право, мне... очень стыдно, что я... могу думать об этом в такое время. – Она взглянула на него и сильно покраснела. – Это красота бархатного платья, что было надето на благородной даме.

Д'Арлей улыбнулся:

– Я ехал два дня вместе с ними и не могу сказать, какого цвета был ее наряд. Это что, действительно красивое платье?

– О, его просто невозможно описать! Мне кажется, что у него был самый редкий и прелестный оттенок синего цвета! – Валери разговорилась, и слова лились бурным потоком. – Вы заметили кружева у нее на шее и на запястьях? Мне кажется, что вы даже не обратили на них внимания. Я никогда не видела подобной красоты! А перья на шляпе! Мне хотелось их погладить, чтобы ощутить их мягкость. Ее туфли...

Девушка остановилась и быстро прикрыла юбкой собственные башмаки. Она боялась, что д'Арлей увидит их. Но Валери опоздала. Д'Арлей еще раньше с жалостью отметил, что они были старыми и что их изготовил плохой сапожник. Он также обратил внимание, что ее лосины были очень дешевыми и покрыты множеством заплаток. Обычно женщины – молодые или старые, благородные или простые – всегда старались, чтобы лосины были в полном порядке.

– Вам кажется, что важно быть хорошо одетой? – спросил д'Арлей.

Девушка вздохнула:

– Когда у вас ничего нет, это становится весьма важным. С тех пор как умерла моя мать – а это было шесть лет назад, – я стала сама шить себе одежду. Но из меня вышла плохая портниха, как вы сами уже успели заметить.

– Мне кажется, что для вас не так важны нарядные одежды. Вы настолько привлекательны, что меня очень заинтересовали. Наверное, у вас кругом полно воздыхателей и это... Даже иногда может представлять для вас некоторую опасность.

– Лудильщики и парикмахеры и еще подавальщики в тавернах. – Теперь девушка разговаривала более спокойно. – Да, у меня есть обожатели, но это очень простые люди. Если девушка постоянно находится в дороге, как это случилось со мной, она не может избежать подобного внимания.

– Вам это все неприятно?

– Не-е-ет.

Манеры девушки разительным образом изменились. На мгновение она позабыла о своем горе. Она заулыбалась и принялась все подробно объяснять:

– Я умею избегать их внимания. Когда у нас были деньги и мы могли остановиться в харчевне... Так было не часто, господин, и это всегда было для меня великим событием. В таких случаях я всегда делала именно так. – Валери выпрямилась и сказала: – Смотрите!

Уголки рта у нее опустились, контуры бровей также изменились не к лучшему. В ее внешности появилось что-то неприятное. Довольная произведенным эффектом, Валери рассмеялась:

– Можете мне поверить, что, только раз взглянув на меня, все кавалеры сразу исчезали. Но иногда, когда вокруг было много мужчин и мне следовало быть более осторожной, я натягивала на лоб капюшон и начинала выглядеть вот так.

На этот раз д'Арлею показалось, что лицо у нее стало удивительно широким. Глаза сделались жесткими и приобрели неприятный блеск. У Валери был вид простой, нахальной и неряшливой девицы и к тому же не очень умной. Она стала настолько непривлекательной, что ни один мужчина не пожелал бы подарить ей свой взгляд.

– Если я изображала из себя такую девицу, ко мне никто не приставал, – сказала она, и ее лицо приняло обычный вид. – Мой отец говорил, если бы я родилась мужчиной, из меня вышел бы неплохой актер. Он даже говорил, что я могла бы стать ему равной, а это, господин, самая большая похвала со стороны актера.

Прежан Кеннеди промокнул губы кончиком клетчатого платка и отодвинулся от котелка. Затем он оглядел лица спутников, которые с трудом можно было различить в наступившей темноте.

– Нам следует поговорить, – сказал он. – Что мы станем делать с мертвецом?
Всем стало понятно, что отец Имберт ничего не понимал. Он смотрел на них и спрашивал:

– Должны быть похороны. Но где? И когда?

– Здесь и сейчас, – ответил шотландец.

– Вам должно быть интересно, насколько далеко мы находимся от церкви? – спросил священник. – Могу сказать только одно – мне это неизвестно.

Кеннеди обратился к д'Арлею:

– Вам знакомы эти места?

Тот отрицательно покачал головой.

– А вам, дитя мое?

Валери ответила тихим голосом, стараясь не выдать своих чувств:

– Нет, эти места мне неизвестны.

– Тогда нам придется похоронить вашего отца здесь, повторил шотландец. – Нам повезло, что с нами находится отец Имберт. Он сможет прочесть заупокойную службу.

Девушка была очень расстроена. Она посмотрела на Кеннеди, перевела взгляд на д'Арлея.

– Пожалуйста, господа! Наверное, можно придумать что-то иное.

Кеннеди объяснил ей, что им следует вовремя прибыть к месту назначения. Валери было понятно, что нельзя больше использовать повозку. Делать было нечего.

– Кроме того, – добавил шотландец, – у вашего отца будет место упокоения лучше, чем у солдат, павших в бою.

Наступила долгая и неприятная тишина.

– Мне ясны все сложности, – наконец заявила Валери. – Вы все очень добры ко мне, я не могу отказываться от вашей помощи и создавать вам новые трудности. Но все равно мне с этим трудно примириться.

Д'Арлей спросил ее:

– Вы переживаете, потому что ваш отец будет погребен без гроба?

Девушка кивнула:

– Да, милорд. Ему не будет покоя.

Девушка чуть не разрыдалась, было видно, что ей трудно продолжать этот разговор.

– У него много лет болели кости, и он часто говорил мне: «Никогда не хорони меня во влажной земле». Он говорил, что ему нужна широкая и сухая могила. Иногда, произнося это, он смеялся, но я понимала, что он верил в собственные слова. – Девушка взглянула на небо. – К утру пойдет дождь, господа, и земля будет сырой.

Д'Арлей о чем-то думал. Наконец он сказал:

– Я умею управляться с инструментами, и, если вы мне позволите использовать дерево, оставшееся от повозки, я смогу изготовить для вашего отца гроб.

Валери была согласна на все.

– Если вы это сделаете, я стану за вас всю жизнь молиться.

– Это займет у меня много времени, и мне понадобится помощь. – Д'Арлей поднялся и потребовал: – Хелион, подай мой топор!

3

Два часа д'Арлей и Валери делали гроб. Остальные сначала пытались им помочь, но потом отказались от этой затеи. Они растянулись на земле, ногами к костру, и заснули. Валери старалась изо всех сил помочь доброму господину. Она поддерживала огонь и разбирала повозку на доски. Ей было тяжело это делать, она всегда гордилась своей повозкой.

– Оказывается, я не такой ловкий, – признался д'Арлей. – Это займет гораздо больше времени, чем я думал.

Девушке стало стыдно.

– Господин д'Арлей, мне стыдно, что я отнимаю у вас столько времени.

Д'Арлей засмеялся:

– Сказать правду, несмотря на трудности, мне это очень нравится. Я даже горжусь, что смог все сделать. Если бы мне повезло и я бы родился плотником, то смог бы зарабатывать этим трудом деньги. Вместо этого я – рыцарь и мне принадлежат земли. Кажется, я нигде не достиг успеха.

– Позвольте этому не поверить.

– Могу сказать только одно в свою пользу: мне удалось хорошо научиться владеть этим. – Кивком он показал на саблю, которую снял и положил на землю. При свете углей клинок сверкал и отливал багровым. – Но у нас не ценят людей, умеющих владеть саблями. Рыцарь должен хорошо владеть пикой, боевым топориком и «утренней звездой», а сабля считается оружием, недостойным мужчины. Я хочу сказать, что когда-нибудь сабля будет считаться единственным подходящим оружием для настоящих мужчин. Мне повезло, я встретил Жака Кера и стал его другом, а в каком-то смысле и его партнером. Я разбогател с помощью Кера. – Д'Арлей вытер лоб и помахал руками. – Нам теперь стоит отдохнуть и выпить вина. Плотницкая работа вызывает жажду. Вы, наверное, очень устали, – сказал д'Арлей.

Они сели у огня и немного выпили.

– Вам пришлось много повозиться, разбирая повозку. Покажите-ка мне ваши руки!

Девушка протянула руки. Они были аккуратными, хорошей формы, пальцы – длинные и тонкие. На ладонях виднелись мозоли, кожа огрубела и потрескалась, но все равно это не были руки крестьянской девушки. «Они также не похожи на руки бродячего актера, – подумал д'Арлей. Здесь есть какая-то тайна, и я должен до нее докопаться».

– Вам приходилось много работать? – сказал д'Арлей.

– Когда отец заболел, мне приходилось делать все: ухаживать за мулами, разжигать огонь, ставить палатку. Она протянула вперед руки и грустно посмотрела на них. Это несложно заметить, не так ли? Руки грубые и некрасивые.

– Они настолько красивы, что я начинаю подумывать кое о чем. – Он посмотрел девушке в лицо. – Вы сказали мне, что существуют сомнения по поводу места вашего рождения. Можете объяснить, что именно вы имели в виду?

Валери заколебалась:

– Мы никому об этом не рассказывали. Но сейчас родители умерли, и это стало моим секретом, поэтому я могу его рассказать кому хочу. Мне самой ничего не было об этом известно до тех пор, пока мне не исполнилось десять лет. Тогда моя мать – мадам Марэ – рассказала мне об этом. – Девушка взглянула на д'Арлея и добавила: – Мне так хочется рассказать вам об этом. Вы очень добры.

Д'Арлей ждал.

– Господин д'Арлей, я не их дочь. Они меня нашли.

Д'Арлей не был удивлен. Длинная война, сложности жизни из-за орудующих вокруг банд, которые грабили страну во время перемирия... Сплошь да рядом случалось такое. Любое передвижение армии, каждый грабеж оставляли за собой дымящиеся руины, почерневшие поля и бесконечное количество трупов. Родителей убивали, и оставались детишки, которым нужно было найти новый дом, чтобы не умереть от голода. Многие записи о смерти и рождении были утеряны, и было невозможно найти следы пропавших. Говорили, что в местах, где в течение многих десятков лет шли бои, лишь немногие дети точно знали, что живут у настоящих родителей.

– Я так и думал, – сказал д'Арлей. – Я также уверен, что ваши настоящие родители были более высокого происхождения, чем... воспитавшая вас пара. Меня поражает, как правильно вы говорите, хотя, видимо, вы и не получили никакого образования.

– Я вам уже говорила, что господин Марэ был великим актером, – гордо сказала девушка. – Он часто говорил, что может сделать для меня только одно – научить правильно говорить. Я даже не помню, когда он начал со мной заниматься. Он читал мне роли из мистерий и заставлял меня их повторять. Иногда он читал из книги «Подражание Христу»¹. Вы думаете, что мне удалось получить какое-то образование? Я слушала Марэ и задавала ему вопросы.

– Он вас научил читать?

Валери с сожалением покачала головой:

– Нет. Когда я подросла, мне приходилось много работать. Мадам Марэ была инвалидом.

– Теперь мне понятно, почему у вас такой приятный голос. Но все остальное можно объяснить только одним. Мадемуазель, вы очень красивы, и в вас видна порода. Вы мне можете рассказать, при каких обстоятельствах вас нашли?

– Мне самой хотелось бы знать об этом побольше. Господин и мадам Марэ очутились в деревне, которую разграбили и сожгли. Некоторые из домов продолжали гореть, и они понимали, что грабители не могли далеко уйти. Потом они услышали крик ребенка. Мадам Марэ настояла, чтобы его нашли. Она меня увидела в корзинке у входа в церковь. Наверное, женщина пыталась найти в церкви защиту и взяла меня с собой. Но ей это не помогло. Грабители ее убили. Они забрали из церкви все предметы религиозного культа... Наверное, я была очень голодна, потому что громко плакала.

– Вы считаете, что погибшая женщина была вашей матерью?

Валери поколебалась, прежде чем ответить.

– Мадам Марэ так не считала. Я была завернута в очень красивую пеленку из тонкого дорогого материала.

– Женщина была крестьянкой?

– Видимо, так. Мадам Марэ сказала, что она была просто одета, и руки у нее были крупные и грубые. Она была молода, крепкого сложения.

– Наверное, это была кормилица. Все указывает на это.

– Мы тоже так считали. Но теперь вообще невозможно что-либо узнать. Семейство Марэ вернулось в ту деревню через шесть месяцев, чтобы попытаться что-то узнать. Но в деревне никого не было, и они вернулись ни с чем.

– Они не возвращались туда во второй раз? Девушка покачала головой:

– Нет. Мне кажется, что они не желали ничего узнавать, когда я стала подрастать. Они всегда считали меня своим собственным ребенком. Господин Марэ очень разозлился, когда узнал, что мне все известно. Помню, как-то ночью, когда я отправилась спать, они сильно спорили. Мадам Марэ сказала, что сам господин Марэ хотел получить за меня награду за то, что они меня нашли. А господин Марэ отвечал, что так было в самом начале, а потом он передумал.

Д'Арлей некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

– Это все, что вам известно? – наконец спросил он.

– Мадам Марэ больше ничего не удалось узнать. Крыша церкви пылала, и поэтому она подхватила корзинку и сразу убежала. Она видела, что та женщина была смуглой и у нее была кровь на лице. Когда мадам Марэ несла меня к повозке, я схватила ее за палец. Вот и все.

– Вы знаете, как называется эта деревня?

Валери сказала, но д'Арлей никогда прежде не слышал этого названия.

¹ Эту книгу публиковали по частям. Ее с интересом читали, потому что она прибавляла людям сил. Каждый хотел иметь копию этой книги – так она была популярна в народе. Можно сказать, что она стала первым бестселлером. (Примеч. автора.)

– С тех пор прошло столько лет, думаю, теперь вообще ничего невозможно узнать. Но мне все равно кажется, что вам следует предпринять усилия, чтобы узнать, кто же вы такая на самом деле.

– Я так и сделаю, когда мне представится возможность. Я все время об этом думаю и уверена, что бедная убитая женщина не была моей настоящей матерью. Кем могла быть моя настоящая мать? Может, она до сих пор еще жива? Если это так, может, она верит, что я тоже жива? Признает ли она меня, если мы увидимся?

– Есть один способ, чтобы я вам помог. Вы мне напоминаете кое-кого.

– Кто это, господин д'Арлей?

– Не могу точно сказать. Весь вечер я пытался припомнить, но так и не смог этого сделать.

– И вы считаете, это может привести к тому, что я узнаю, кто я такая на самом деле? – девушка оживилась и не сводила взгляда с д'Арлея. – Может, это моя родственница? Сестра? Или даже моя мать?

Он покачал головой:

– Пока не стоит строить предположений. Если даже вы на кого-то похожи, это может быть простым совпадением. В Париже живет человек, так похожий на меня, что можно решить, будто мы – близнецы. Я даже как-то отправился на него посмотреть. Но это было всего один раз... Он оказался мрачным и тупым и все время шмыгал носом. Меня возмутило, что такой слабак, такой неприятный человек может расхаживать по земле в таком же обличье, что и я.

– Но, – девушке не хотелось заканчивать разговор, – неужели ничего нельзя сделать? Я убеждена, если бы вы вспомнили, я бы узнала, кто я такая.

– Мне кажется, я смогу вспомнить.

Д'Арлей с трудом поднялся на ноги. От непривычной работы у него болели руки и спина.

– Мадемуазель, сейчас я могу лишь помочь похоронить того, кто мог бы помочь нам узнать правду. Вы в состоянии еще немного потрудиться?

Валери быстро вскочила.

– Конечно, господин.

Через час д'Арлей забил последний гвоздь. «Неплохо было бы хоть как-то украсить это грубое сооружение», – подумал он и стал вырезать на крышке латинское изречение: «Nil nisi Vobis». Девушка стояла рядом и внимательно смотрела, как он трудится. На лице Валери читалась благодарность.

– Что это означает? – спросила она.

– Я не очень хорошо знаю латынь, но если мне не изменяет память и я все правильно написал, то это означает: «О мертвых говорить либо хорошее, либо ничего». Как вы считаете, я выбрал правильное изречение?

– Да, господин. Я уверена, что отец был бы благодарен вам и горд, если бы мог увидеть это!

Д'Арлея вдохновила похвала, и он пообещал:

– Когда я закончу с текстом, попытаюсь вырезать розы и ангела с распростертыми крыльями.

На лицо девушки упала полоска света, и д'Арлей вновь попытался вспомнить, на кого же она похожа.

– Встаньте там, где я могу вас лучше рассмотреть, – попросил он Валери.

Д'Арлей опустил топор на землю и начал внимательно разглядывать лицо девушки, положив руки ей на плечи.

Теперь ему удалось рассмотреть некоторые детали. Д'Арлей подумал, что солнечные лучи ласкали ее кожу и сделали такой нежной, они выбелили ее и без того светлые волосы. Солнце любило эту девушку. В ее чертах не было хрупкой прелести цветка, но кожа и неяркий румянец отражали поцелуй солнца. Д'Арлей не мог понять, какого цвета ее глаза. Ему они казались

светло-синими. Но эти глаза отливали и золотом. Д'Арлей понял, что лицо ее менялось в зависимости от выражения глаз.

«У нее поразительная красота, – подумал он. – Я должен без труда вспомнить, кого она мне напоминает. Но почему-то не могу».

Его мысли потекли в ином направлении, и у него закружилась голова. Перед ним было поразительно прекрасное, милое, нежное лицо. Ее глаза с восхищением смотрели на д'Арлея. Как он мог подумать, что на свете существуют подобные этим глаза? Д'Арлей начал терять голову: «Что со мной случилось? – подумал он. – Она меня околдовала».

Д'Арлею пришлось бороться с желанием крепко обнять девушку. «Наверное, я в нее влюблен», – подумал он.

Эта мысль помогла ему устоять перед соблазном. Он снял руки с плеч девушки и отступил назад. Ему не следует ею увлекаться, и по многим причинам.

– Я должен закончить резьбу, – сказал он Валери, но про себя подумал: «Как только утром мы похороним этого беднягу, мне следует продолжить свой путь».

Глава 3

1

На воротах города виднелась перчатка. Это означало, что там проходит ярмарка. Пока перчатка оставалась на месте, все привычные дела были заброшены. Утром народ торговал на лотках, стоявших вдоль улицы, вечером можно было повеселиться – выпить и потанцевать...

Как только Валери вошла в город, ею овладела печаль по прошлым дням. Ярмарки всегда оставляли светлые воспоминания в ее не очень веселой жизни. Тогда это значило, что у Дамиана Марэ будут роли в представлениях и у семейства появятся деньги, девушке смогут купить новое платье, шляпку или хотя бы ленточку в волосы.

Валери увидела на главной площади театральный помост с занавесями для сцены Вознесения. «Если бы бедный отец был жив, – думала девушка, – может, ему наконец повезло и он смог бы сыграть роль Иисуса. В этот момент он расхаживал бы взад и вперед, повторяя текст своей роли, или спрашивал бы у меня, распаковала ли я его парики и костюмы». Валери вздохнула, решив, что в этот момент Дамиан Марэ, вернее всего, сидел бы в таверне и пил, надеясь на будущий успех.

Она попала в этот город по весьма грустному делу. После похорон и спешного отъезда господина д'Арлея она осталась совсем одна. Прежан Кеннеди продал ее мулов за хорошую цену и дал ей прекрасный совет: выйти замуж за немолодого человека, но чтобы у него было достаточно золота в сундуке и чтобы он был способен оценить ее красоту. Искать такого мужа следует там, где много мужчин, поэтому нужно ехать с ним в Париж. Если у нее не получится найти мужа – не беда, возможно, ей найдут какое-нибудь место у Жака Кера. Прежан собирался отправиться в Париж повидать Жака Лисицу, и он, конечно же, мог замолвить словечко за Валери.

Девушке не хотелось ехать в Париж. Дамиан Марэ всегда боялся этого города. Возможно, до него доходили слухи о великих столичных актерах и он опасался соперничества. А может, он избегал нищенского существования в столице. В любом случае, хоть Марэ и рассуждал о том, что возьмет Париж штурмом и покорит его своим талантом, он всегда старательно искал причину, чтобы туда не ехать.

Валери тоже начала бояться Парижа. Ей представлялось, что город на Сене – это большая, окруженная стенами тюрьма. Она никогда не слышала о прекрасном Нотр-Даме. Девушка всю жизнь жила в бедности и понимала, что ей не следует надеяться на блестящее будущее, которое рисовал шотландец. Она выработала для себя план, который будет более верным и безопасным. Валери с вниманием выслушала аргументы Прежана Кеннеди, собрала свои вещи и тихонько удалилась.

Девушка шагала по многолюдному городу, в одной руке несла узел с одеждой, в другой – плетеную корзину. Она была внимательна и сразу отбежала в сторону, прижалась к стене, когда по булыжной мостовой улицы галопом проскакали всадники. Только рыцари исчезли – в воздухе повисли проклятья, Валери видела вокруг себя лица, почерневшие от ненависти. В этом не было ничего нового. Тот, кто путешествует по дорогам и знаком с обитателями трущоб, знает их страхи и злость.

Валери увидела высокого светловолосого молодого человека в сверкающей кольчуге, с алебардой на плече. Он пробирался сквозь толпу и весело посвистывал. Все перед ним расступались. Молодой человек был англичанином – об этом можно было судить по леопардам, изображенным на его шарфе. Прохожие не были бы столь любезны с молодым англичанином, если бы знали, что он насвистывает мотив военной песни периода великих английских побед

«Сэр Роберт повелевает всей Францией». Валери смотрела на него с ужасом и старалась разглядеть, нет ли у него сзади хвоста. Большинство французов, знавших оккупантов только по рассказам, были уверены, что англичане хвостаты.

Валери остановилась около приветливого человека в шапочке виноторговца и спросила:

– Господин, скажите мне, где находится ярмарка? Виноторговец показал ей направление:

– Во дворе следующей харчевни, малышка. – Он заметил в ее руке узел и корзинку и поинтересовался: – Если ты собираешься поступать на службу, тебе следует поспешить. Там уже почти все закончилось. Мне сказали, что люди требуются только для Пти Гастэ. Позволь тебе подсказать, чтобы с ним не связывалась.

Двор харчевни был переполнен, слышались громкие голоса и смех. Над низкой платформой висел синий флаг. Под ним сидел служащий и пытался оживить торги, без конца что-то тараторя монотонным голосом.

– Ярмарка работает! – говорил служащий. – Господа и дамы, вам нужны хорошие слуги? Вы можете посмотреть и поговорить с людьми. Вы должны внимательно их рассмотреть, если только вам действительно нужны люди и вы не пришли сюда просто поглазеть. Мужчины здесь сильные, а женщины – аккуратны и прилежны. Взгляните на них, господа. Они молоды и смущены, потому что им приходится выставлять себя здесь перед публикой. У нас никогда прежде не было лучших слуг, чем мы предлагаем вам сегодня. Подходите и делайте свой выбор!

– Все одно и то же год за годом! – пожаловался купец. Он взглянул на служащего. – Они никому не могут подойти, и вам это прекрасно известно. Пти Гастэ не может из них выбрать ни одного, потому что они – слабаки или ленивы и нечестны.

По сторонам двора стояли скамейки, и на них располагались кандидаты на работу. С одной стороны стояли мужчины, а с другой – девушки. Нельзя сказать, что они были слишком молоды или смущались. Наоборот, казалось, что некоторым из них эти «смотрины» были по душе.

Пришедшие сюда считали, что выбор слуг не что иное, как очередное ярмарочное развлечение. То тут, то там слышались остроты, шутки и смех:

– Жак, если ты не найдешь себя хозяина, твоим хозяином станет Пти Гастэ. Он тебя отучит прохлаждаться и сидеть на толстой заднице.

– Подбери юбки, Марго. Пусть все видят твои толстые ляжки, и тогда ты точно найдешь себя хозяина!

Валери уже начала сомневаться, действительно ли хорош ее план. Она оглянулась и решила, что ей лучше убираться отсюда. Она видела, что будущие хозяева, которые расхаживали взад и вперед, были такими же неприятными, как и люди, предлагавшие себя. Девушка с трудом поборолла желание побыстрее ударать.

Молодой человек в одежде торговца кинул монетку в сторону Марго. Если Марго ее поймает, она согласна работать у него. Женщина ловко поймала монетку, проверила на зуб ее качество, подморгнула новому хозяину, подняла верхнюю юбку и спрятала монетку в карман красной нижней юбки. Затем, согласно правилам ярмарки, она сняла с себя табличку с номером и отдала ее служащему. Тот быстро начал действовать.

– Господин Беллей, вы наняли себе служанку. Она обладает хорошим здоровьем и не больна заразными болезнями, и она не беременна. Если это случится и родится ребенок через девять месяцев после сегодняшнего дня, это станет вашей ответственностью. После этого – хи-хи-хи! – все изменится. Если вам будет нужно ее выпороть, вы можете использовать палку не толще вашего пальца и наказание не должно превышать десяти ударов. Вам следует дать ей одно платье теплое из шерстяной материи, ночную рубашку, две пары лосин и чепец. На шесть месяцев ей полагается четыре унции мыла. Вы обязаны платить ей один денье в день.

– Согласен, – сказал торговец шелком.

Как требовалось в подобном случае, девица заявила:

– Я согласна считать вас моим хозяином в течение шести месяцев. Я обещаю вам повиноваться и каждое дело стану выполнять с удовольствием.

Валери удалось пробраться поближе к платформе. Она робко коснулась рукава служащего и сказала:

– Господин служащий, я хочу предложить себя в качестве служанки.

Служащий был занят бумагами и не взглянул на нее.

– Хорошо. Мне сейчас некогда тебя расспрашивать. Мы сделаем это позже. Вставай на скамью и, если хочешь получить хорошего хозяина, – улыбайся.

Потом он взглянул на девушку, и у него от удивления широко открылся рот.

– Святой Кристоф! Тебе даже не нужно улыбаться, малышка! Ты можешь получить чересчур хорошего хозяина!

Он подал девушке табличку с номером шестнадцать и даже попытался пошутить:

– Малышка, тебе, наверное, столько лет.

Валери прикрепила табличку к кофте и взобралась на скамью.

Появление нового кандидата взволновало публику. Будущие хозяева подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть девушку. Валери крепко сжала губы – ее тревожили пристальные, похотливые взгляды мужчин. Девушка не сводила глаз с ворот, где крутился маленький ветрячок.

Валери сразу обратила внимание на огромного мужчину, пробиравшегося через толпу. Он фыркал, хрипел и что-то бормотал про себя. Ей стало неприятно, потому что он всех растолкал и подошел прямо к скамейке. Человек уставился на девушку, как кот на птичку в клетке. От волнения на его круглом лице выступил обильный пот, и он напомнил Валери восковую статую, которая начала плавиться.

Кто-то, кто стоял на безопасном от него расстоянии, громко выкрикнул:

– Она тебе нравится, Красные Плавники² ?

– Ты сделал свой выбор?

Неприятный человек начал говорить тонким голосом, обращаясь ко всем окружающим:

– Вы говорите, что трудно угодить Пти Гастэ. Что ж, теперь я доволен. Этот цыпленочек мой. Всем должно быть известно, что я первый сделал на нее заявку.

Все запротестовали:

– погоди, я хочу взять ее!

– Она мне тоже подходит!

Эти протесты подхватили другие. Суровая женщина с усами над верхней губой сказала:

– Решать будет девушка.

Огромный человек отодвинул протестовавших одним движением сильных рук и мрачно проворчал:

– Если кто-то из вас двинется вперед, то я дам ему по загривку.

Он взглянул на Валери. Его голова была почти на одном уровне с головкой девушки. Было видно, что она его очень привлекает.

– Я первый сделал заявку. Но всем известно, что я честный человек. Вам всем представится шанс, хотя я мог бы столкнуть вас головами, переломать ребра и выкрутить вам уши одним движением пальцев! – Он вытер потный лоб грязной ручищей. – Горожане, мы решим это путем жребия. Наверное, это будет самое справедливое, не так ли? Эй, Алан, подай нам метлу!

² Обычно торговцы рыбой красили жабры и плавники у снулой рыбы в красный цвет, чтобы она казалась свежей. (Примеч. автора)

Гостиничный слуга подал ему остатки метлы, и гигант вытащил дюжину соломинок различной длины. Он огляделся, и в глазах его зажегся неприятный огонек, когда он увидел невзрачного человечка, стоявшего позади толпы.

– Эй, Годенот, подойди сюда!

– Только не я, Пти Гастэ! Только не я!

– Иди сюда! – завопил гигант. Он страшно разозлился. – Ты что, меня не слышишь? Иди сюда, или я вырву тебе зубы и стану ими чистить моих мулов вместо скребницы!

Маленький человечек так медленно приближался к гиганту, что тот нетерпеливо схватил его огромной ручищей и подтащил к себе.

– Я хочу, чтобы ты, бездельник, держал в руках соломинки. Обхвати их своим жалким кулачком, чтобы были видны только их края. Сейчас мы посмотрим, кто же из нас счастливец.

Годенот сделал так, как ему было приказано. Один из присутствующих, решительнее остальных, вышел вперед с протянутым кулаком. Пти Гастэ секунду смотрел на него с изумлением, потом одним ударом отвел его руку.

– Что? Ты желаешь тянуть первым, когда я щедро дал вам всем шанс? Первым стану тянуть я!

Гигант, как клещами, зажал кисть Годенота. Пальцы бедняги под давлением скрючились, и Гастэ отлично видел длину соломинок. Он внимательно рассмотрел их, прежде чем сделать выбор.

– Теперь тяните остальные.

Люди боялись его разозлить и начали фарс вытягивания соломинок. Потом сравнили их длину. Пти Гастэ оказался победителем. Он нагло и мрачно огляделся.

– Все довольны? Все было по-честному?

Люди, стоявшие рядом с ним и боявшиеся его больше всех, закивали в знак согласия и хором ответили:

– Да, все было по-честному.

Гигант не успокаивался – было ясно, что он жаждал с кем-нибудь сцепиться. Он оглядел стоявших сзади людей и выбрал молодого парня.

– Олим, почему ты молчишь?

Он пробрался к парню и начал сильно трясти его своими мускулистыми ручищами.

– Олим, ты доволен? Ты меня слышишь, Олим? Скажи, что ты доволен, трус, или я выпущу из тебя кишки! – Он еще раз тряхнул молодого парня и бросил его на землю. – Олим доволен, – сказал он с ухмылкой.

Мясник повернулся, чтобы взглянуть на девушку, которая должна была достаться ему. Он ничего не мог понять. На скамейке ее не было.

Во время торгов Валери с ужасом наблюдала за происходившим. Она не могла смириться с тем, что Пти Гастэ может стать ее хозяином. Она этого не вынесет. Пока все были заняты розыгрышем, девушка решила убежать. Она отбросила табличку, слезла со скамейки и прошмыгнула к выходу. Когда торжествующий мясник обернулся, Валери покидала двор таверны.

Пти Гастэ увидел ее и пытался преследовать. Валери была в ужасе, когда поняла его намерения. Она побежала быстрее, повторяя про себя: «Какая я дура, что пришла сюда!»

Валери резко свернула и натолкнулась на платформу, та опрокинулась, и девушка увидела башмаки служащего, который падал вместе с платформой. Послышался звук разбившегося кувшина.

2

Как всегда, для разрешения происшествия, случившегося во время ярмарки, был организован суд. Он назывался Судом Пыльных Ног, потому что сюда собирались разные купцы

издалека. Судья был торговцем шелка из Марселя. Пожилой человек с умным и добрым лицом. Он улыбался.

– Господа, вам должно быть ясно, что это был всего лишь несчастный случай, – обратился судья к собравшимся.

– Мне это стоило слишком дорого, – заныл Гиглэ, служащий ярмарки, подавший жалобу на Валери.

– Девушка была испугана, – продолжал судья, – она не желала, чтобы ее хозяином стал Пти Гастэ. Ее легко понять. Я должен вам повторить, что она случайно толкнула платформу. Она, конечно же, не хотела это сделать.

– Я потерял на этом много денег, – настаивал на своем служащий. – Она разбила очень дорогой кувшин, разлила галлон чудесного вина. Во время падения я порвал хорошую одежду. Мне очень не повезло, и я потерпел огромные потери.

Судья хитро усмехнулся и спросил служащего:

– Вы не желаете получить компенсацию с Пти Гастэ?

– Нет, нет, – заторопился жалобщик.

– Мне тоже так показалось! Пти Гастэ мог бы стать в этих обстоятельствах весьма агрессивным. Как-то раз я намекнул одному из служащих суда, что он должен получить компенсацию с Пти Гастэ. Он мне ответил, что лучше расстанется с работой, чем потребует компенсацию с этого милейшего... человека. В любом случае мы не сможем ничего получить с этого мясника. – Судья обратился к служащему: – Дайте мне ваши расчеты, мне нужно знать сумму, которую вы хотели бы получить с девушки. Тридцать четыре денье, – прочитал он вслух.

Судья взглянул на испуганную Валери, стоявшую перед ним.

– Дитя мое, ты нанесла этому человеку вред на такую сумму. Ты сможешь ее выплатить?

– Нет, господин судья, – сказала девушка.

– Может, у тебя есть какие-либо вещи, которые ты можешь предложить в качестве компенсации? Ты способна выплатить хотя бы часть суммы?

– Господин судья, у меня есть всего два денье. Судья оглянулся.

– Мне не хочется сажать эту девушку в тюрьму... – начал он.

Валери судорожно вздохнула. Она понимала, что такое сесть в тюрьму. Ее поместят в общую камеру с остальными заключенными. В маленьких городах в камерах сидели вместе мужчины и женщины. И в таких условиях она будет находиться до тех пор, пока не закончится ее срок. Ее будут кормить отбросами, и она может заразиться любыми самыми страшными болезнями. Ей было известно, что некоторые бедняки, попав однажды в тюрьму, уже никогда не возвращались оттуда. Валери умоляюще посмотрела на старого судью. Он продолжал:

– Я также не могу приказать, чтобы она своим трудом восполнила недостающую сумму, потому что это означало бы, что ей придется работать у милейшего мясника, который снабжает мясом и птицей граждан этого района. Мне хочется, чтобы все присутствующие, включая меня, собрали деньги и господин служащий принял бы собранную сумму в качестве компенсации за понесенный ущерб.

Наступила полная тишина. Судья вздохнул.

– Господа, мне хотелось зажечь искорку щедрости в ваших сердцах. Мне это не удалось, и теперь я должен с сожалением объявить...

– Я за нее заплачу, – раздался громкий мужской голос. Валери резко обернулась и увидела Прежана Кеннеди.

Шотландец медленно вышел вперед и взглянул на девушку, как бы говоря: «Теперь-то тебе ясно, какой ты была глупой? А мне приходится платить за твою глупость!»

– Я знаю эту девушку, – сказал Кеннеди, обращаясь к судье. – И предпочитаю заплатить за нее, чтобы она не пошла в тюрьму. Но прежде всего мне хотелось бы посмотреть на предметы, за которые придется заплатить.

– Разумеется, – согласился судья, передавая Прежану список претензий к Валери.

– Мне совершенно ясно, – сказал шотландец, размахивая листом бумаги, – что служащий руководствовался желанием немного подзаработать, когда назначал такой высокий штраф. Сами посудите! Неужели можно поверить, что разлившееся вино было дорогим токайским или кипрским? Наверное, оно прибыло с виноградников Ливана и в чистой янтарной жидкости плескались кусочки настоящего золота?! И еще... Он хочет, чтобы мы подумали, что дешевый кувшин был кубком, из которого могла пить настоящая принцесса или уважаемый святой, и поэтому он назначает за него абсурдную цену!

Валери почувствовала, как у нее подгибаются колени. С позволения судьи она подошла к стене и села на лавку. Девушка теперь уже спокойно следила за происходящим, и морщинистое, обветренное лицо шотландца казалось ей лицом ангела-хранителя. Оно излучало доброту и мудрость. Валери слышала, как Прежан Кеннеди ответил на шумные протесты служащего. В его аргументах была такая холодная логика жадного истца, что все протесты тут же превратились в прах.

– Семнадцать денье! – провозгласил судья после того, как наконец все пришли к соглашению. – Этот уважаемый солдат из армии союзников благородно согласился заплатить эту сумму, и я провозглашаю, что слушание этого дела прекращено. Мне хочется добавить: я надеюсь, что ярмарка закроется, а Пти Гастэ останется без служанки!

Прежан Кеннеди был честным человеком и не требовал от Валери никаких проявлений благодарности.

– Малышка, ты мне нравишься, – сказал он, выходя с девушкой из зала суда, – но должен признаться, не только поэтому я потратил на тебя такую кучу денег. Мне всегда трудно расставаться с моими денежками. – Он замялся. – Существуют и другие причины для моей щедрости. Сир д'Арлей имеет долю в делах Кера, и он оставил мне деньги именно для такого крайнего случая. Должен признаться, малышка, я не спал той ночью и слышал, как ты ему рассказывала тайну своего происхождения.

Валери была поражена, но Прежан спокойно продолжал:

– Не бойся, я никому не расскажу о твоей тайне. Наоборот, мне кажется, тебе повезло, что мне известно об этом. Дитя мое, позволь мне тебе помочь. Я постараюсь докопаться до истины.

– Я буду счастлива, если вы мне поможете, – ответила Валери.

Шотландец кивнул в знак согласия.

– Я – честный человек и хочу, чтобы ты с самого начала поняла, что я не собираюсь заниматься благотворительностью. Мне никогда не помешает лишняя монетка в кошельке. Я стараюсь извлечь сальдо из любого своего действия. – Он криво улыбнулся, глядя на девушку. – Неужели ты думаешь, что сможешь разгадать тайну рождения, если станешь прислуживать грязным мясникам и тому подобное? Нет, дитя мое, тебе следует предпринять более смелые действия. Мы с тобой в Париже можем начать действовать в этом направлении.

– Я готова, – покорно сказала Валери.

Глава 4

1

Низкая дубовая ширма отделяла небольшую часть комнаты с побеленными стенами. Там посетители ждали приема к Жаку Керу. Они сидели на скамьях вдоль стены. Ширма была невысокой, и собравшиеся могли наблюдать за знаменитым казначеем, сидевшим за своим рабочим столом, и время ожидания не проходило зря. Посетители видели, как дорого его время. При необходимости Кер мог посмотреть на визитеров через ширму и составить о них предварительное мнение.

– Кто сегодня на приеме? – поинтересовался королевский казначей, не отрывая взгляда от лежавших перед ним бумаг.

– Здесь собралась разные люди, – отвечал Никола. – Вон там, например, Герхард, суконщик, он хочет просить вас о долге. Надеюсь, что вы как следует с ним расправитесь. Вон священник из университета, он тоже станет вас просить о чем-то. Пилигрим этот говорит, будто только что возвратился из Святой земли и хочет продать щепку от креста. Мне кажется, что он просто фокусник.

– Скажи Герхарду, чтобы он пришел в другой день. Я постараюсь сразу принять священника. А пилигрима отправь отсюда. Кто там еще?

– Солдат, который называет себя Прежан Кеннеди. Он говорит с акцентом.

– Прежан Кеннеди? – Кер задумчиво повторил это имя. – Мне приходилось слышать об этом шотландце. Он был на Востоке – в Константинополе, и палил из бомбард во время войны с турками. Никола, я с ним поговорю. Кто еще?

– Девушка.

– Девушка? Продолжай. Что она хочет? Никола хитро улыбнулся;

– Господин, не знаю, что она хочет.

– Если она пришла за деньгами, дай ей немного и отошли прочь.

– В таком случае вам следует повидать банкира из Ломбардии. Он вас ожидает.

– Почему ты мне об этом сразу не сказал? Ты болтаешь о мелкой рыбешке, а в это время меня ждет крупная добыча!

Выходя из комнаты, Никола грустно заметил:

– Вам известно, что я всегда оставляю самое вкусное напоследок.

Валери увлеченно наблюдала за великим человеком по другую сторону ширмы. Ей было неудобно, потому что на нее пристально смотрели другие посетители. Она старалась прикрыть ноги юбкой, чтобы никто не видел, какими жалкими стали ее башмаки. На полу рядом с ней стояла небольшая плетеная корзинка.

Прежан Кеннеди наклонился к девушке и шепнул:

– Что тебя так заинтересовало в Жаке Лисице?

– Его глаза, – тихо ответила девушка. – Я уверена, что он всё замечает и понимает. Но они остаются добрыми и в них можно прочесть понимание. Мне кажется, что он потрясающий человек.

– Потрясающий? – Шотландец взглянул на Керу, и на его длинном лице появилась усмешка. – Возможно, и потрясающий, но только по-своему. Жесткий, жадный и очень цепкий. Его ум весьма гибкий и острый.

В комнату вошел Никола в сопровождении старика в простом сером плаще, который волочился по полу. Старик сложил покрытые пятнами руки под подбородком, чтобы поддерживать трясущуюся голову.

– Могу поклясться, что это – банкир, – шепнул девушке шотландец. – Посмотри, как быстро проведут этот тощий скелет к великому Жаку Лисице.

– Я все обдумал, – заявил банкир, когда уселся за столом вместе с Кером. – Жак Кер, у меня должно быть десять поместий. Вот список. Я в первую очередь желаю иметь Бокейр. Я обязательно хочу получить Бокейр.

Кер горько нахмурился и взглянул на маленького человечка.

– У меня имеется тридцать два поместья, в которые я вложил деньги. А ты, пиявка из Ломбардии, требуешь отдать тебе десять из них в качестве залога за тот крохотный заем, который ты мне обещал! Эти земли трижды окупят заем. Тебе что, не понятно, что я должен получить и другие займы, что кредиторы будут также требовать залог?

– Ты называешь этот заем небольшим? – прохрипел старик, – Он настолько велик, что я буду должен выбрать все деньги из моих сундуков. Запомни, ты берешь деньги для ведения войны. Если англичане вас снова побьют, – а они могут это сделать, потому что они грубый и свирепый народ, – они заберут у тебя, Жак Кер, каждый акр твоей земли! Как тогда бедный Джузеппе из Ломбардии получит обратно свои сорок тысяч экю? Может, ваши английские хозяева ему заплатят? Нет, нет. Он потеряет все! Я очень рискую, и мне понадобится земля, чтобы хоть как-то смягчить риск.

– Конечно, – с усмешкой сказал Кер. – И плюс еще тридцать процентов за риск!

– У французского короля за подобный заем я бы потребовал сорок процентов. Жак Кер, тебе должно быть ясно, что я хорошо к тебе отношусь. – Старик начал перебирать тощую бородку руками, которые, казалось, состояли лишь из вен и ногтей. – Что касается Бокейра, он находится далеко на юге и до него не дотянутся жадные руки англичан. Да, да, я должен получить Бокейр!

– Если бы народ Парижа знал, что вы у меня требуете, он растерзал бы вас на улице!

Тусклые покрасневшие глаза дряхлого банкира внезапно прояснились. Кер заметил, как на него уставились жесткие глаза старого хищника. Эти глаза не знали возраста. Они абсолютно не соответствовали его старому телу.

– Жак Кер, позаботьтесь о себе, – прохрипел банкир. – Вернее всего, они забьют камнями именно вас. Простой народ не любит богачей. Если они узнают, что Жак Кер желает сам оплатить всю стоимость предстоящей войны, им захочется узнать, где он взял столько денег. Они могут заявить, что это денежки из их карманов. Они станут говорить, что Кер настолько богат, что у его коней подковы из серебра. Они станут вам сильно завидовать. – Старик замолчал и покачал головой. – Жак Кер, вы – щедрый и храбрый человек. Вы можете выиграть для них свободу, а в качестве благодарности от них получите лишь камни в спину.

Кер никогда не сомневался, что простой народ хорошо к нему относится. Эти люди гордятся тем, что он был одним из них и смог добиться успеха. «Старость лишила банкира разума, – подумал он, – алчность не позволяет ему ясно мыслить».

Тем не менее в словах старика звучали пророческие нотки, Кер почувствовал это, и ему в первый раз стало не по себе. Он поднялся и стал расхаживать по комнате, чтобы вернуть присутствие духа.

– Джузеппе из Ломбардии, – наконец сказал он, – я не очень скромный человек и понимаю, что являюсь достаточно богатым. Если все займы, которые я должен делать, будут отдавать отдачей, как бомбарды Жана Бюро, и способны разрушить все, что я создал, я смогу что-нибудь придумать. Он постучал себя по лбу. – Я построю что-нибудь более интересное на руинах. Я ничего не боюсь, и, конечно, не боюсь англичан. Я могу отогнать тех, кто пытается укунить меня за пятки. Я уже пришел к решению по поводу условий займа, – продолжал Кер, – и поэтому я не отдам вам Бокейр в качестве залога и не отдам все остальные земли, которые вы у меня требуете. Вы получите всего пять поместий, не больше. И выберу их для вас я сам. Это мои условия. Хотите соглашаться, хотите – нет!

– Я должен подумать, – заныл ломбардец. – Я не могу так просто рисковать деньгами. Мне следует об этом поразмыслить. Господин Кер, я еще раз повторяю, что мне нужно об этом очень серьезно поразмыслить.

– Я вам даю неделю, – заявил казначей. – Возвращайтесь домой и все подробно рассмотрите. Я жду вас через неделю. Война не может ждать ростовщиков.

– Войны не могут начинаться без ростовщиков, – гордо заявил старик.

– Банкир, тут вы ошибаетесь. Эту войну мы можем вести без ростовщиков. Но только не без Жака Кера!

Старик поплелся из комнаты, что-то бормоча про себя.

Жак Кер вернулся к бумагам, лежавшим на столе. Он быстро просмотрел их и написал «да» или «нет» на полях каждого листка, а в конце нарисовал сердце.

В комнату вернулся Никола:

– Здесь Робер де Пуатеван. Конечно, он врач короля, но почему он себя так нагло ведет?

Лицо Кера помрачнело.

– Боюсь, что он нам принес плохие новости. Пригласи его, Никола.

Со стороны ширмы послышался шорох и царапанье. Кер нахмурился.

– Что там такое?

– Это кошка. Она сидит у девушки в корзинке.

– Она все еще здесь? Мне показалось, что я тебе приказал дать ей денег и отослать прочь. Я много раз пытался расстаться с тобой, бестолочь, и, наверное, мне так и придется сделать.

Никола оставался спокойным.

– Вам не следует злиться на меня, господин мой. Я вам нужен, и вы об этом прекрасно знаете.

Кер беспомощно потряс руками.

– Клянусь святыми, с тобой невозможно спорить. Попроси сюда врача.

2

Робер де Пуатеван был небольшого роста, он отличался смелостью и ничего не боялся, даже того, что может подхватить болезнь от хворых, с которыми имел дело каждый день. Пуатеван никогда не пользовался предохранительными средствами, к которым прибегали его коллеги: он не надевал халат, пропитанный специальными химикатами, не засовывал в уши и ноздри руту и не клал чеснок под язык. Он носил обычное платье серого цвета. Единственное, что указывало на его профессию – это кадуцей, вышитый на его воротнике.

Де Пуатеван быстро вошел в комнату и сел в кресло, даже не поприветствовав Кера.

– Жак Кер, – сказал он, вытягивая в его сторону указательный палец, – Агнес Сорель собирается подарить королю еще одного младенца.

Кер был в шоке.

– Но, дорогой Робер, она так плохо себя чувствует! Неужели госпожа Агнес надеется выдержать роды, ведь она больна?

Врач мрачно ответил:

– Вы можете быть уверены, что мне не по душе эти новости.

– Вы уже сказали об этом королю? Робер де Пуатеван утвердительно кивнул:

– Час назад. Сначала его величество с гордостью встретил эту новость. Когда я ему объяснил, что несчастная не выдержит подобное испытание, он на меня разозлился. Но я этого ждал. Наш властелин не любит получать неприятные известия. Он сказал, что не доверяет моему Мнению... Что ж, я приглашу Оливье де Буссэ из университета.. Этого хвастуна и пустозвона и всех остальных подобных ему врачей. Как требует король, мы проведем консультацию. Они будут сидеть несколько-хо часов с важным видом, говорить по-латыни. Но мне заранее ясно, что

они ничего не знают. Потом они заявят его величеству, что Робер де Пуатеван поспешил с выводами, а они выражают противоположное мнение. Эти всезнайки скажут, что леди Агнес, безусловно, очень больна, но, с другой стороны, она еще молода. Нельзя заранее сказать, что пожелает сделать Господь Бог, никто из смертных не может знать, что у него на уме. Иногда, господин Кер, я стыжусь своего призвания! Мы делаем вид, что нам многое известно, но на самом деле мы знаем так мало! Возьмите, например, яды...

– Мой дорогой Робер, остановитесь.. Если вы начнете рассуждать на эту тему, вы станете говорить часами. Честно сказать, у меня нет для этого времени сегодня. Очень много работы. Вы мне сообщили ужасные новости, и я боюсь, что не смогу дальше работать с полной отдачей.

Некоторое время оба мрачно смотрели друг на друга.

– Скажите мне правду, господин Робер. У нее есть хотя бы какая-то надежда?

Врач грустно покачал головой:

– Жак Кер, Агнес Сорель умрет!

Никола мрачно наблюдал за хозяином. Было странно, что Жак Кер оставался без дела в течение долгого времени. Его очень расстроили последние новости. Когда Кер бывал таким, не стоило мешать ему. Никола с неохотой подошел к хозяину.

– Господин, он здесь.

Кер с трудом пришел в себя. – Кто?

– Мог бы я тревожить вас, если бы вас не вызывал к себе король? Или не возвратился наконец господин д'Арлей?

– Прибыл Робин? – В голосе Кера послышалось облегчение. – Я рад это слышать. Никола, скорей проводи его сюда! Поскорее!

3

Кер вышел навстречу Д'Арлею, протянул вперед руки. Он обнял гостя и похлопал его по плечу.

– Робин, я рад вас видеть! Вы сильно загорели, как будто только что возвратились из путешествия на Восток.

– Мне нужно вам много рассказать, – заявил д'Арлей, усаживаясь в предложенное Кером кресло.

Они разговаривали целый час. Обсуждали путешествие, предпринятое д'Арлеем, его встречи с факторами Кера. Королевский казначей знал их настолько хорошо, что мог с ходу назвать прибыли, которые они получили за несколько лет. Д'Арлей рассказал Керу о новостях с Запада, которые привезли последние суда, прибывшие в Монпелье. Они обсудили подарки, привезенные д'Арлеем, в частности и для Изабо (тут Кер поморщился), поговорили о положении страны в целом.

Они не успели закончить разговор, как с улицы послышался громкий звук трубы. Кер быстро поднялся на ноги.

– Прибыл конвой с юга, – сказал он. – Робин, вы должны это видеть. Процессия проследовала через весь город, чтобы люди могли полюбоваться на те вещи, которые мы предлагаем для продажи.

Кер пригласил Д'Арлея пойти с ним, надел странный головной убор, очень напоминавший тюрбан, и повел гостя к открытой галерее, выходящей во внутренний двор (на высоте пятнадцати футов).

Это был узкий и живописный проход с чудесными каменными резными колоннами. Кер и д'Арлей встали у одной из колонн. Казначей очень волновался и от нетерпения склонился над каменным ограждением.

Снова послышался звук трубы – громкий и пронзительный. Герольды въехали во двор – по трое в ряд. Они ехали верхом на чудесных черных жеребцах, одетые в алые ливреи со знаком Кера – сердца и раковины, вышитых золотыми нитками; четкими буквами был написан девиз: «Для храброго сердца нет ничего невозможного!» За герольдами следовали люди в восточных костюмах. Они вели верблюдов за уздечки, пропущенные через ноздри. Верблюды служили только для демонстрации – на них не было груза, лишь девушки в белом сидели на высоких, красной кожи седлах. Верблюды шли покачиваясь, поднимали вверх морды и противно орали. Лица девушек были прикрыты, но глаза сверкали, они понимали, какая роль им отведена в этом красивом представлении.

– Восток, пленительный Восток! – воскликнул Кер, поворачиваясь к д'Арлею и улыбаясь ему. – Там живут тайна и волшебство. Вы никогда не знаете, чего ждать в следующий момент. То же самое относится к грузам, которые идут из этой диковинной стороны. Они не перестают меня поражать. Кто знает, возможно, когда-нибудь в одном из узлов мы найдем тиару, венчавшую главу королевы Шебы, или лампу, из которой может появиться ужасный джинн.

Далее следовали жонглеры. Они метали в воздух полированные кинжалы. За ними шли музыканты, игравшие странную восточную мелодию на струнных инструментах.

– Как мне все это напоминает Восток! – вздохнул Кер. – Эта музыка проникает в душу! Я помню свой первый визит в Дамаск. Арабы плохо относились к французам. Каждую ночь нас запирали в тюрьме, к нам относились как к паршивым собакам. Но мне удалось изменить их отношение. Они поняли, что могут доверять Жаку Керу и что с ним можно торговать. Он не похож на хитрых купцов из Венеции и Генуи. Сегодня, как вам известно, мои суда свободно плавают в восточных водах, мои капитаны могут вести выгодную торговлю.

Длинная процессия, состоявшая из музыкантов и жонглеров, наконец расположилась в конце двора. Музыканты продолжали играть, когда начали прибывать вьючные мулы с узлами, покрытыми красной, зеленой и белой парусиной.

– Мне хочется побыстрее распаковать все узлы, – заявил Кер, переминаясь с ноги на ногу, как будто он не мог спокойно стоять на месте. Вдруг он остановился, глядя вниз, протянул руку и коснулся плеча д'Арлея. – Робин, вы видите эту девушку?

– Я вижу множество девушек. Какую из них вы имеете в виду?

– Которая стоит у лестницы. Видите, на ней надет длинный серый плащ с капюшоном. Робин, это поразительно! Просто поразительно!

Д'Арлей взглянул в ту сторону, куда ему указывал Кер. Во дворе собралась огромная толпа, состоявшая в основном из покупателей. Д'Арлей не увидел никого, кто мог бы вызвать такое волнение Кера.

– Она похожа... – начал говорить Кер и стукнул кулаком по каменному ограждению. – Но где она? Робин, пойдите со мной! Она не должна исчезнуть. Ее обязательно надо найти!

Д'Арлей последовал за казначеем, не понимая, что случилось. Кер был настолько взволнован, что пустился бежать, лишь только они свернули с галереи. Он быстро пробежал по залу, показав знаком, чтобы д'Арлей не отставал. Они взбежали по узкой лестнице, приблизились к двери, над которой горел факел.

– Надеюсь, мы не опоздали, – бормотал Кер, открывая засов двери.

Они оказались в темном коридоре, настолько узком, что их плечи с двух сторон касались стен. Потолок нависал над головой, поэтому двигаться пришлось согнувшись. В стенах имелись отверстия, через которые просачивался свет.

Кер взглянул вперед и крикнул:

– Антуан!

– Да? – ответил голос из темноты.

– Звони в Кокиль! Быстрее! Кокиль!

Они услышали спешные шаги, и через секунду начал громко звонить колокол. Звук был громким и настойчивым, и д'Арлей подумал, что он наверняка слышен во всех частях двора и дома.

– Теперь закроются все двери и везде будет стоять стража, – объяснил довольный Кер. – Никто не сможет отсюда уйти. Робин, мы, кажется, успели.

– В чем все-таки дело? – нетерпеливо спросил д'Арлей. – Почему вы не желаете, чтобы девушка ушла отсюда?

– Таким образом, – объяснил Кер, – я пытаюсь предотвратить кражу товаров, выставленных на продажу. Коридор окружает все здание и находится сверху тех секций, где показываются самые ценные вещи. Пока лавка открыта, там дежурят четыре человека. Они смотрят, что происходит внизу, через прорези в стенах. Им отсюда все видно. Если покупатель желает что-либо получить бесплатно, эти люди начинают звонить в колокол. Двери закрываются и не откроются до тех пор, пока не найдут воришку, а потом его ждет наказание.

– Вы интересно все придумали. Кер направился к двери.

– Каждый из охранников может использовать одну из двух веревок, – гордо продолжал казначей, – вторая же служит сигналом пожара. Такие веревки есть в разных частях здания и привязаны к одному колоколу. Колокол, дающий сигнал о ворах, называется Кокиль, а второй – Пожар. У колоколов разный звук, их невозможно спутать. Я сам разработал этот план.

– Значит, эта девица – воровка? Кер захохотал.

– Нет, Робин, она не воровка. Неужели вы считаете, что меня волнует пропажа какого-то пустяка, что я стал бы поднимать из-за этого такой шум? Так случилось, что Кокиль может мне помочь в важном деле.

– Ради Бога, объясните мне все!

– Я пока погожу с объяснениями, – сказал Кер, возвращаясь в свои апартаменты. – Мы должны посмотреть на девушку поближе. Может, я ошибаюсь. Мне нужно знать ваше мнение.

4

Никола привел Валери к Керу и д'Арлею. Девушка была испугана, потому что не понимала причину ее задержания. Она опустила глаза и крепко сжимала ручку плетеной корзины. Слуга предложил ей выйти вперед, она испугалась еще сильнее. Валери схватила Никола за рукав.

– Господин, что я сделала плохого? – шепнула девушка.

– Мадемуазель, не волнуйтесь. Мой господин не причинит вам вреда.

Никола пришлось взять ее за локоть и помочь двинуться с места.

– Господин, это та девушка? – спросил Никола.

Кер взглянул на опущенное лицо Валери и радостно кивнул:

– Да, Никола, ты не ошибся.

Кер поднялся из-за стола, встал перед девушкой и внимательно посмотрел ей в лицо.

– Потрясающе! – Он схватил руки девушки и ласково похлопал по ним. – Я не ошибся! Это просто удивительно. Сходство почти полное. Кто вы такая, дитя мое?

Д'Арлей был настолько поражен, когда девушка появилась в комнате, что провел рукой по глазам, чтобы лучше видеть. Валери ничего ему не говорила о том, что собирается в Париж. Он вообще ничего не знал о ее планах. Он оставил некоторую сумму денег шотландцу в надежде, что этого ей хватит, чтобы начать новую жизнь. Д'Арлей не думал, что снова увидит Валери.

Девушка стояла перед Кером и д'Арлеем в ветхой, помятой одежде. Она выглядела испуганной и удивленной. Ее присутствие действовало на д'Арлея так же, как тогда при свете костра в лесу. Ему опять захотелось заключить Валери в объятия. Д'Арлей понимал, что может

серьезно увлечься ею. Да, лишь один шагок – и он пропал. «Неужели судьба привела ее сюда? И мне пришлось с ней снова встретиться», – подумал он.

Они во второй раз встретились совершенно случайно. Если бы Кер не углядел ее в толпе, огромный город поглотил бы ее.

– Эту девушку зовут Валери Марэ, – сказал д'Арлей. Валери подняла голову, и радостная улыбка осветила ее лицо.

– Господин, я не знаю, почему меня сюда привели. Я не сделала ничего дурного. Может, вы им скажете, что я – честная девушка, и они позволят мне уйти?

Жак Кер был поражен происходящим, он переводил взгляд с девушки на д'Арлея и обратно.

– Вы ее знаете?

– Да. Мы случайно встретились на дороге в пустынном месте. Я не знаю, для чего вы ее сюда приказали привести, но уверен, что Валери не сделала ничего плохого.

Лицо Кера стало серьезным, и он высказал вслух те мысли, которые минутой ранее промелькнули в уме д'Арлея:

– Это рука судьбы. Почему она появилась здесь именно сегодня? Я не знаю, почему Никола не повиновался моему приказу, но опять вижу в этом интересное совпадение. Я клянусь, что ее сюда привела рука Провидения.

Д'Арлей улыбнулся Валери, как бы желая сказать: «Я ничего не понимаю, но вам не стоит волноваться».

– Дитя мое, что у тебя в корзинке? – спросил Кер.

– Кот, господин.

– Это еще одно доказательство! – воскликнул Кер. – Клянусь святым Мартином из Тура, мне все подсказывало, что я должен обратить на эту девушку внимание! Даже громкое мяуканье кота! Почему я не обратил на нее внимание раньше? Я так и не заметил ее... К счастью, судьба решила настоять на своем.

– Может, вы теперь объясните нам свои слова? – поинтересовался д'Арлей.

– Взгляните на нее! – воскликнул Кер. – Вы должны видеть то, что вижу я.

– С первого момента я понял, что мадемуазель Марэ кого-то мне напоминает, но никак не мог вспомнить – кого именно.

– Подумайте, Робин! – Кер встал перед д'Арлеем и пристально взглянул ему в глаза, как бы пытаясь таким образом направить его мысли в нужное русло: – Вспоминайте о том, что было много лет назад. Когда мы с вами в первый раз встретились. Вы не можете этого забыть.

Казалось, в голове у д'Арлея зажегся яркий огонь. Он откинул голову назад и громко захохотал.

– Конечно! Теперь я все понял! Почему мне это сразу не пришло в голову? – Он вдруг посерьезнел. – Трудно в это поверить, но сходство поразительное!

Глава 5

1

Д'Арлей стал вспоминать самый грустный день в его жизни. Ему было семнадцать лет, а Изабо выходила замуж за его брата.

Он шагал за ними, одетый в белый наряд. Даже его башмаки были белыми, и их загнутые носы напоминали белые лилии, покачивающиеся на воде. У него щемило сердце, он постоянно повторял про себя: «Это страшный ночной кошмар. Это не может быть правдой! Она должна выйти замуж за меня, а не за Рено. Сейчас что-то случится и церемония будет отложена. Я не могу думать о том, что она выйдет замуж не за меня!»

Он надеялся, что привидение из прошлого выступит из темноты и прекратит обряд. Ему удалось убедить себя, что мудрый и всемогущий Бог пошлет молнию, чтобы предотвратить ложные клятвы.

Но ничего не случилось, и он с ужасом слышал торжественную речь епископа и пение хора.

«Я должен что-то сделать, чтобы прекратить службу», – думал юноша.

Он не заметил, когда поднялся на ноги. Вокруг раздавались какие-то звуки, люди глазели на него. У них были неприятные, удивленные лица. Они подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Д'Арлей открыл рот, чтобы сказать, что необходимо прекратить церемонию, но не смог издать ни звука. Горло пересохло. Он провел рукой по лбу, она стала мокрой от пота.

Д'Арлей побежал к выходу, понимая, что представляет собой жалкое зрелище. Ему было ужасно ощущать на себе эти недружелюбные и насмешливые взгляды. Он перешел на шаг. «Я – глупец! – сказал он себе. – Какой же я глупец! Все надо мной смеются. Они расскажут обо всем Изабо, и она тоже станет смеяться надо мной!»

Позже он очутился у входа в собор. Церемония закончилась. Солнце сияло на ярком бирюзовом небе. Гости выходили из собора, оживленно переговариваясь. Он понимал, что так не должно быть. Как они могут смеяться и болтать, как будто ничего не случилось? Как может сиять солнце, когда совершилась ужасная ошибка?

Чья-то рука коснулась его плеча, он увидел дружеское лицо. Он немного пришел в себя и понял, что перед ним стоит необычный человек. Глаза незнакомца выражали понимание, его манеры были свободны от условностей придворных. Одежда его тоже была необычной, он выделялся среди людей, строго следовавших моде того времени.

– Вы, наверное, младший брат жениха? – с любопытством спросил незнакомец. – Я ничего не имею против сплетника Рено. Он постоянно меня потешает, но вы весьма отличаетесь друг от друга.

– Я – Робин де Бюрей, – произнес удивленный юноша.

– Мне сказали, что вы увлекаетесь науками и чтением книг, – продолжал незнакомец. – Мне это кажется весьма примечательным, потому что умы людей, желающих прославиться на рыцарском поприще, не очень заняты учением. – Он пристально посмотрел на юношу. – Молодой человек, вы очень бледны. Вы себя плохо чувствуете?

– Нет, со мной все в порядке.

– Меня зовут Жак Кер. Вы, наверное, слышали обо мне. О потрясающем казначее короля, меховщике из Бурже, слышали все. Он стал очень богатым и обрел сильную власть. Несмотря на смятение чувств, юный д'Арлей с интересом взглянул на Жака Кера. Он сразу понравился юноше, в нем чувствовалось настоящее тепло и дружелюбие.

– Мне хочется кое-что сказать вам, Робин де Бюрей. Может, вам это не понравится, но у меня есть знакомые в Анжу. Мне рассказали о вас, вашем брате и... молодой леди, которая только что связала себя с ним брачными узами и получила то, чего она так страстно желала, – старинный титул. Послушайте, не стоит меня испепелять взглядом, как будто я совершил святотатство и смертельно ранил вас. Я ни в чем не виновен, я только выразил словами то, что вы сами чувствуете, молодой человек. Я хочу вам помочь, и вы меня должны простить за мое полное откровение.

Он обнял д'Арлея за плечи. Они стали спускаться по лестнице.

– Сейчас вам кажется, что произошла страшная трагедия, жизнь стала ужасной, а будущее такое же черное, как перья на шляпе храброго Ублюдка Орлеанского. Время – великий лекарь, мой мальчик. Оно вылечит почти все, но только не сразу, а постепенно. В моей жизни произошла подобная вашей трагедия, а сейчас я о ней вспоминаю со сладостным чувством. Я рад, что все в прошлом.

Д'Арлей не знал, что ему ответить, и решил промолчать. Кер продолжал:

– Мне всегда хочется вмешаться и помочь людям. Мы с вами незнакомы, но все равно мне хочется предложить вам рецепт излечения. Вам следует уехать. Вам нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что случилось.

Д'Арлей обнаружил, что эта мысль кажется ему здоровой. Это будет наилучшим выходом! Он должен уехать как можно дальше, чтобы не видеть Изабо и Рено и их общих друзей. Он был уверен, что больше не сможет прикидываться равнодушным. Ему следует прислушаться к совету Кера – отправиться подальше отсюда и, если возникнет необходимость, остаться вдали от дома навсегда.

– Господин Кер, я думаю, что вы правы, – сказал юноша.

– Я, конечно, иногда лезу не в свое дело, но это из лучших побуждений. Я являюсь владельцем нескольких судов. Возможно, вам известно, что я веду торговлю с Востоком. Завтра мой друг Жан де Виллаж отправляется на юг, и он поведет мое самое лучшее судно из Монпелье в Александрию. Вы не хотели бы отправиться вместе с ним? Как только вы там окажетесь, услышите шепот столетий. Вы сможете побывать в Святой земле и даже добраться до Дамаска.

Д'Арлей не стал раздумывать. Ему всегда хотелось путешествовать. Восток манил его словно магнитом. Он не должен отказываться от шанса, который так щедро дарит ему судьба. Если он больше никогда не увидит Изабо, что ж, это только к лучшему.

– Вы настолько добры, что у меня нет слов благодарности. Господин Кер, я с признательностью принимаю ваше предложение.

– Я так и думал. Я был в этом настолько уверен, что не побоялся сразу обратиться к вам. Даю вам слово, что у вас очень скоро изменится настроение. Свежие морские ветры сметут паутину грусти и переживаний, мой мальчик. Приходите сегодня ко мне. Я вас познакомлю с Жаном де Виллажем. Вы с ним подружитесь, и это произойдет гораздо быстрее, чем я продам штуку материи пухлой домашней хозяйке.

Они вышли на улицу. Д'Арлей взглянул на нового друга и решил выговориться:

– Я ненавижу брата! Что касается его жены, я больше никогда не желаю ее видеть!

Кер остановился подле экипажа, запряженного четырьмя белыми лошадьми. Там сидела дама, она выглянула и улыбнулась Керу. Дама была столь прекрасна, что д'Арлей смотрел на нее как на сказочное создание. Он впервые оказался в Туре, у него почти не было знакомых среди придворных. Д'Арлей начал гадать, кто же эта великолепная красавица. Ему рассказал о ней Кер.

– Леди Агнес, – сказал он, приближаясь к карете и низко кланяясь, – я счастлив видеть, что вы полностью выздоровели. Могу я вам представить моего нового друга? Это Робин де Бюрей, сир д'Арлей. Мой мальчик, это – Агнес Сорель. Она – я уверен, что ты со мной согласишься, – является самой прекрасной женщиной в мире.

Значит, это была Агнес Сорель, любовница короля! Д'Арлею приходилось слышать истории об этой даме. Слухи эти циркулировали по всей Франции и достигли даже отдаленного Анжу, где он жил всю свою жизнь. Д'Арлей слышал рассказы о ее чудесном сердце и потрясающей красоте. Обычно о королевских любовницах рассказывали с неприязнью и злостью, но к Агнес Сорель люди хорошо относились. Некоторые даже утверждали, что она на самом деле не была любовницей Карла Французского, что у них были чисто платонические отношения. Те, кто в это верил и кто в это не верил, придерживались одного и того же мнения: эта женщина благотворно влияет на короля.

Юноша поклонился и смутился от того, что Агнес Сорель его разглядывала. Люди действительно говорили о ней правду. Ее чистая красота благотворно действовала на людей. Д'Арлей прежде всего обратил внимание на ее глаза чудесного голубого цвета. Он взглянул на губы. Они были яркого красного цвета, так бывает у страстных людей. Он присмотрелся внимательнее и увидел, что ее рот нежный и чувственный.

– Я слышала о сире д'Арлее, – сказала Агнес Сорель. У нее был приятный, довольно низкий голос.

– Он решил отправиться на Восток на одном из моих судов, – объявил Кер, одобряюще похлопав д'Арлея по спине. – Мы с моим юным другом быстро приходим к решению. Он решил завтра же отправиться в путь вместе с Жаном де Виллажем из Монпелье.

Агнес Сорель улыбнулась и дружелюбно кивнула:

– Чудесная идея. Я уверена, сир д'Арлей, что вам понравится путешествие. Вам будет хорошо на корабле.

Она с такой симпатией взглянула на юношу, что он понял: ей все известно.

– При нынешних обстоятельствах это для вас самое лучшее, – успокаивающе сказала Агнес.

– Он вернется обратно богатым, – заявил Кер. – У него будут драгоценные камни, великолепные ткани, пряности и благовония. Кто знает, может, он привезет сюда прекрасную восточную принцессу?

Д'Арлей больше никогда не видел Агнес Сорель, поэтому не было ничего удивительного в том, что он не мог вспомнить, кого напоминает ему Валери.

2

– Теперь вам все понятно, – сказал Кер.

– Да, вы абсолютно правы.

У Жака Кера сверкали глаза. Он взял девушку за руку и ласково ее погладил.

– Дитя мое, вы нас должны простить. Мы говорим загадками. Вам следует потерпеть... ну хотя бы до завтра.

– Да, милорд.

Было ясно, что девушка ничего не понимала.

– С вами может случиться одно из двух, – заявил Кер. – Я могу вам сказать, что если одна из моих фантазий не осуществится, мы дадим вам небольшой подарок, чтобы как-то компенсировать ваши труды. Но если все случится по-иному, тогда у нас с вами состоится другой разговор. А тем временем...

Кер задумался о том, что нужно сделать для девушки прямо сейчас. Он покачал головой.

– Мой агент живет с семьей на верхнем этаже этого здания. Там для вас найдется комната, постель и обильная пища. Позже, я надеюсь, мы сможем подыскать для вас что-то постоянное. – Он позвал слугу: – Никола, я доверяю тебе госпожу Марэ.

Валери ничего не понимала и удивленно взглянула на д'Арлея.

– Я тоже пока ничего не понимаю, но, мадемуазель, вам не стоит ничего бояться.

– Прошу вас, мадемуазель! – важно сказал Никола. Когда Кер и д'Арлей остались одни, Кер разволновался.

– Какое поразительное совпадение! – начал он. – Все считают леди Агнес королевой красоты. Конечно, красивее ее пока нет женщины. Но появляется незнакомая девушка, видимо, из крестьян, если можно судить по ее одежде...

– Ее отец был бродячим актером по имени Джамиан Марэ. Кер согласно кивнул.

– Тогда мне ясен тембр ее голоса. Меня поразило, как она прилично изъясняется. Так вот, перед нами дочь дешевого актера, но она настолько напоминает леди Агнес, что могла бы быть ее сестрой... или дочерью. В это трудно поверить, но мы сами все видели собственными глазами.

– Я видел леди Агнес только раз и поэтому не могу быть объективным судьей, но мне тоже сходство кажется поразительным.

Кер уселся в кресло и стал перечислять их схожие черты:

– У них одинаковый цвет волос, нежнейшая кожа, голубые глаза. Девушке свойственны манеры, нехарактерные для людей ее круга. Посмотрите, как медленно она поднимает веки, точно так делает Агнес Сорель. Они одинаково жестикулируют...

Кер пристально посмотрел на д'Арлея.

– Ну что, мой друг Робин, что вы мне можете рассказать о девушке? При каких обстоятельствах вы познакомились с этим удивительным созданием?

Д'Арлей не сразу заговорил. Ему пока не было ясно, почему Кер так заинтересован во всей этой истории, и он начал опасаться за Валери. Его поразила глубина собственных чувств, когда он увидел девушку в комнате. Сердце сжалось, и он понял, что ждал этой встречи. Д'Арлей очень жалел, что так быстро ее покинул.

Д'Арлей стал неохотно рассказывать Керу о первой встрече с Валери. Он хотел ограничиться несколькими словами, но Кер все время его прерывал и требовал подробностей. Он задавал массу вопросов и успокоился только тогда, когда ему стали известны малейшие детали.

– Вы считаете, что эти люди были ее настоящими родителями? – спросил он, когда д'Арлей закончил свой рассказ.

Д'Арлей заколебался.

– Нет, – наконец произнес он. Д'Арлей размышлял о том, стоит ли Керу знать всю правду о Валери. Он тянул время, не зная, как поступить. И все-таки решился. Да, Кер должен знать все до конца.

Кер внимательно слушал, лицо его светлело, а в конце рассказа он удовлетворенно кивнул:

– Все правильно! В ней течет благородная кровь! Конечно же, она не может быть дочерью бродячих актеров. У нее внешность аристократки.

Несколько секунд он молчал, а потом сказал:

– Это настоящее везение!

– Везение? Почему вы так считаете? Жак, мне непонятно, почему вас так заинтересовала эта девушка!

Кер опять помрачнел.

– Мне нужно кое-что вам сказать. Час назад меня навещал королевский лекарь. Он сказал, что леди Агнес осталось жить совсем немного.

– Меня это очень огорчает.

Кер помолчал, а потом продолжил тихим голосом:

– Это может стать огромной трагедией, хотя я вообще-то оптимист. Мне всегда кажется, что все образуется. Но в данном случае я боюсь, что может случиться самое плохое. Д'Арлей, с Францией может случиться самое плохое.

– Я вас не понимаю.

– У нас очень странный король, и мне не следует вам объяснять почему... Нам известно, что у него есть хорошие качества, и должен признаться, что я хорошо к нему отношусь. Но... – Кер покачал головой, – но он выбирает себе удивительно плохих советников. Так было всегда. Госпожа Агнес, к счастью, всегда могла прошептать правильные слова ему на ухо – и нам в этом везло. У меня нет иллюзий по поводу собственной персоны, – продолжил Кер. – Пока что король мне полностью доверяет. На самом же деле мое положение висит на тонкой ниточке. Правда, это золотая нить. Если она оборвется... – Он помолчал. – У меня слишком много врагов. Придворные постоянно шушукаются и бегают к королю с любой сплетней или с выдуманными сведениями. Настроение короля всегда переменчиво. Он ничего не сделал, чтобы спасти Орлеанскую Деву. Неужели он сделает что-то для меня?

Кер помолчал немного, затем заговорил гораздо быстрее:

– Король, конечно, станет оплакивать леди Агнес, но вскоре заведет себе другую любовницу. Хитрая кузина леди Агнес уже сейчас пытается занять ее место. Если это случится... Робин, вам не кажется, что у меня должна быть своя кандидатура на место, которое может освободить Агнес Сорель?

Д'Арлей был настолько поражен, что никак не мог найти нужных слов.

– Вам никогда не приходило в голову, что мужчины, обычно предпочитают один тип женщин? – не унимался Кер. – Очень часто вторая жена напоминает первую... Король был пламенно влюблен в Агнес Сорель. Она очень ему подходила. – Кер опять помолчал. – Для него подходящей кандидатурой будет женщина, похожая на госпожу Агнес. Дорогой Робин, теперь вам понятно, почему я так сильно заинтересовался этой девушкой?

Д'Арлей вскочил на ноги.

– Это нечто неслыханное! Просто абсурд! Вы не можете серьезно говорить об этом!

– Я абсолютно серьезен. Конечно, до того, как я стану что-то предпринимать, мне следует убедиться, что у этой девушки, кроме сходства, имеется подходящий характер и смелость.

Если раньше д'Арлей сомневался в своих чувствах к Валери, то теперь был абсолютно уверен.

– Я не могу поверить, что вы серьезно все обдумали, – возмутился молодой человек. – Эта мысль пришла вам в голову под влиянием мгновения. Если вы станете рассуждать дальше, то сами откажетесь от этой идеи.

Кер был поражен тем, насколько бурно отреагировал д'Арлей на его предложение.

– Вас она очень интересует, д'Арлей? Молодой человек ответил не сразу.

– Мне она нравится. Возможно, на это повлияли обстоятельства нашей встречи, но мне не хочется, чтобы ей причинили зло.

Кер развел руками.

– Но почему вам не по нраву моя идея?

– Наверное, если все случится так, как вы говорите... Но ведь есть и другие пути... Неужели хорошее отношение короля стоит того, чтобы за него платили такую цену?

Кер положил ему руку на плечо.

– Меня не волнует его личное отношение ко мне. Робин, вы – честный патриот. Я смею думать о себе то же самое.

– Конечно, вы не раз убеждали всех в своем патриотизме. Я знаю, что вы – очень честный человек.

Лицо Кера помрачнело.

– Очень грустно, что иногда в качестве министра ты вынужден делать вещи, которые никогда бы не сделал, будь ты обычным человеком. Порой должен предпринять то, что может повредить людям, но принесет пользу государству. Робин, мне приходилось делать множество неприятных вещей, но выхода у меня не было. Мне не следует вам объяснять, что пока с земли Франции не будут выброшены английские оккупанты, она не узнает ни процветания, ни вос-

становления. Тут уж не до личного счастья каждого из нас. Королю постоянно приходится напоминать об этом! Необходимо не только закончить войну, но и обеспечить нашей обескровленной и больной стране сильное руководство. Неужели мы позволим, чтобы личные чувства помешали нам, когда отечеству требуется наша помощь?

– Должен вам сказать...

– Послушайте! Когда умрет Агнес Сорель, король попадет под влияние Антуанетты де Менелэ, если только прежде нам не удастся направить его интерес в другую сторону. Пока что Антуанетта стоит наготове, а у нее жестокие, эгоистичные и жадные интересы. Она станет поддерживать другую партию, и ее влияние на короля станут использовать, чтобы добиться большей власти и богатства только для себя лично. Это не должно случиться!

Д'Арлей ничего не ответил. Он размышлял о том, что девушке, в которую он влюблен, может грозить опасность. Кер задал ему задачу.

– Вы считаете, что я обдумываю нечестный ход?

– Жак, я просто вообще не могу об этом думать.

– Как вы считаете, Агнес Сорель принесла пользу или вред Франции?

Д'Арлей неохотно покачал головой:

– Должен сказать, что испытываю к ней глубочайшее уважение.

– Тогда нельзя не признать, что вы непостоянны. Я готов сражаться за благо моей родины любыми средствами, а не стоять в сторонке и наблюдать, как страдает мой народ. Что касается государственных дел – тут цель оправдывает средства. Я твердо верю, что судьба сама подарила нам эту встречу. Иначе зачем этот идеальный инструмент достижения цели появился в моих руках именно в такой момент? Это, повторяю, судьба.

– Но сама девушка...

– У нее может не оказаться воли или способностей, чтобы сыграть эту трудную роль. Мы должны в этом разобраться. И, кроме того, она вообще может отказаться участвовать в такой затее.

– Людей ее круга нельзя винить в том, что они хватаются за любую соломинку, – заявил д'Арлей.

Кер пристально взглянул на него.

– В вас, молодой человек, говорит сейчас аристократ. Но скажите мне, пожалуйста, могла бы Франция объединиться под властью Карла, если бы не было Жанны д'Арк?

Д'Арлей недоуменно нахмурился:

– Конечно. Именно Дюнуа командовал армией и спас Орлеан.

– Именно так считают в придворных кругах и среди дворянства?

– Конечно. Вам это тоже известно.

– А вот народ Франции считает по-иному. Он боготворит Орлеанскую Деву и произносит ее имя с трепетом. Она является спасительницей страны, героиней, святой и единственной исторической личностью без единого недостатка. Когда-нибудь так будет считать вся Франция. Это относится и к дворянству, хотя сейчас в это трудно поверить. Когда-нибудь это мнение станет разделять весь мир.

– Кажется, мы отклонились от темы нашей беседы, – заметил д'Арлей.

– Я говорю об этом потому, что девушка может принять наше предложение. Это можно сравнить с поступком Орлеанской Девы, потому что она тоже хочет служить отчизне и не думает о личной выгоде.

– Я не собирался ни в коей мере ее осуждать. Наоборот, я... мне она приятна. Но мне все равно эта идея кажется бесплодной. Как вы собираетесь подготовить ее к этой роли? И даже если вам это удастся, сможет ли она понравиться королю?

– Король настолько увлечен оригиналом, что, я уверен, он будет счастлив иметь копию. Вы не должны забывать о том, что в девушке течет благородная кровь и, возможно, это кровь

самой Сорель. Пока мы будем ее готовить, я смогу раздобыть свидетельство ее благородного происхождения. Небольшие усилия – и у нее будет вполне приличная родословная.

– Неужели вы пойдете и на это? Короли не любят, когда их дурят.

– Если она понравится королю, он сам постарается снабдить ее подходящими предками.

Но зачем обсуждать препятствия, с которыми нам, возможно, не придется столкнуться? Я вам обещаю только одно – если я что-то задумываю, то предварительно все тщательно взвешиваю, поэтому мои недруги не смогут найти в схеме ни единой погрешности.

Д'Арлей беспомощно потряс руками в воздухе.

– Что еще я могу сказать? Наверное, превратить Валери в настоящую аристократку по силам только тому, кто сам бывает при дворе? Вы сможете найти подобного человека? И вы не побоитесь разделить с ним такой секрет?

– Что касается этого, я уже разработал план.

Д'Арлей больше не стал ничего говорить. Кер коснулся его руки. Казалось, больше всего на свете он желал, чтобы друг его правильно понял.

– Вы считаете, что мне самому очень нравится эта затея? Дорогой Робин, вы прекрасно знаете Жака Кера, и вам должно быть понятно, что ему тоже не по душе этот план. Но сейчас необходимо найти замену госпоже Агнес... Робин, кажется, что мне в сердце вонзили шпагу. Я все еще надеюсь, что лекарь ошибается. Но пока нам не будет точно известно, мы должны приготовиться к худшему. Нам следует играть по-крупному. Ставка действительно велика – спасение Франции!

Наступила тишина. Д'Арлей не мог заставить себя произнести ни слова.

– Я люблю эту девушку, и вы должны отказаться от своего замысла, – вдруг выпалил д'Арлей.

Для этого было множество причин.

Керу и д'Арлею стало немного легче, когда появился Никола и зажег свечи. Он поставил их на стол рядом с хозяином и поинтересовался:

– Что мне делать с шотландцем?

Кер заглянул за ширму. Прихожая была пуста.

– Кажется, у него лопнуло терпение и он ушел.

– Конечно, ожидание ему надоело, но он не ушел, мой господин. Он не смог найти обратный путь. Я слышал, как он шумел в отделе пряностей. Когда я туда пришел, он уже шумел там, где продается конская сбруя. Наконец я нашел его в отделе котелков, пестиков и ступ. Господин, он требует две вещи – чтобы вы его приняли и ответили, что случилось с девушкой.

– Я с ним сейчас поговорю, – пообещал Жак Кер. Когда слуга ушел, д'Арлей быстро прошептал:

– Мне кажется, что шотландцу не стоит знать о вашем авантюрном плане.

Кер засмеялся:

– Я не собираюсь ему ничего об этом говорить. Я хочу договориться с ним, чтобы он командовал пушками. После этого я скажу ему несколько дружеских слов и, возможно, пожертвую небольшой кошелек с золотом.

Д'Арлей продолжал беспокоиться:

– Вам известно, что у него была собственная банда Свободных обществ?

– Меня это не удивляет. Д'Арлей нахмурился:

– Мне кажется, что шотландец стал опекать Валери, кроме того, я думаю, что вы легко от него не отделаетесь. Конечно, мне не нравится ваш план, но я не желаю лишнего шума. Наверное, будет лучше, если я заберу шотландца с собой. У меня есть место, а у Хелиона имеется баранья нога. Он ее уже начал готовить. Кроме того, он приготовил блюдо с тестом, вином, сахаром и имбирем. Пищи хватит на троих. Я вам это предлагаю потому, что думаю, лучше не спускать глаз с этого парня.

- Прекрасная идея. Я с ним поговорю, а потом отдам его в ваши руки.
- Кер взглянул на большие настенные часы. Стрелка указывала на три часа дня.
- Мне давно пора в Лувр. Там меня ждет работа, – заявил Кер.

Глава 6

1

Д'Арлей не воспринимал Париж глазами короля. Он любил этот город. Он любил его настолько сильно, что позабыл о всяческих неприятностях, отягощавших его душу. Он направлялся с шотландцем к дому, расположенному на улице Гренье-сюр-Л'О. Он радостно смотрел на высокие шпили, вырисовывавшиеся на фоне неба.

– Жаль, что не существует поэта, который мог бы выразить душу Парижа, – заговорил д'Арлей.

– Я не поэт, но могу это сделать для вас и выразить свои мысли очень кратко, – ответил Прежан Кеннеди. – Дух Парижа состоит из напыщенности и несостоятельности. Не говоря уже о воровстве.

– Иностранцы не имеют права говорить подобным образом о нашем городе, – гневно заявил д'Арлей.

– Я сражался и проливал кровь за Францию, но тем не менее в этом городе грязные уличные мальчишки бегут за мной и дразнят меня. Когда я останавливаюсь в харчевне, мне подают плохую пищу и пытаются обсчитать меня. Женщины смотрят на клетчатый платок у меня на шее и не хотят иметь со мной никаких дел.

– Париж настолько прекрасный город, что даже вонь на его улицах, которая отвратительна и проникает повсюду, кажется мне благовонием, – заявил д'Арлей. – Душа Парижа – это мудрость, сверкание ума, непочтительность, безрассудство, сила духа и протест.

Но Прежан Кеннеди стоял на своем:

– Доброта покинула Париж, как вода покидает кувшин, стоящий на солнце.

Вскоре они подошли к харчевне, находившейся недалеко от базара. Там собрался народ. Все смотрели на пустой балкон харчевни.

Вокруг слышались громкие голоса.

– Говорят, он вытащил свой боевой топорик и порубил им ребра дона Гузмана так же ровно, как мясники рубят свиные ребрышки.

Кто-то возразил:

– Но он же бургундец. Ему быстро ответили:

– Мы, французы, также можем гордиться бургундцами. Кеннеди плохо улавливал суть происходящего и решил узнать, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор.

– Мне кажется, – сказал д'Арлей, – что это связано с великим Жаком де Лалэном.

В этот момент отворилась балконная дверь, появился высокий рыцарь и небрежно помахал рукой толпе.

– Это он, величайший боец мира, – сказал д'Арлей. – Мне как-то приходилось с ним встречаться. Похоже, что ты разговариваешь с боевым топориком, снабженным небольшими мозгами и задетой гордостью. Он проводит все время, путешествуя по разным местам, выискивает новые жертвы, чтобы убить или покалечить. – Д'Арлей повернулся к шотландцу: – Жак Кер сказал как-то очень правильную вещь, что все странствующие рыцари походят на маленьких жестоких мальчиков, которые никак не могут подрасти.

Жак де Лалэн был сильным молодым животным. Создавалось впечатление, что он одинаков в длину и ширину. Стоявшие с ним рядом на балконе казались маленькими. Великан был одет во все белое. Рукава его платья казались чересчур пышными, с плеча свисала горностаевая накидка. Нос у него был кривым и загнутым книзу, как у попугая, глазки – тускло-голубые. Прямые темные волосы падали на плечи.

Де Лалэн гордо и насмешливо посмотрел на толпу, собравшуюся внизу, и крикнул:

– Эй, отбросы Парижа! Вы пришли, чтобы поглядеть на Жака де Лалэна? Посмотрите на меня внимательно. Вам в будущем может не представиться подобный случай. Вы можете меня не увидеть на спортивной арене, парижские подонки. Я уже посылаю вызов на состязание, но ваши храбрые рыцари оказались трусами и не ответили мне. Я – величайший боец во всем христианском мире. Я могу победить любого рыцаря, рожденного женщиной, любым оружием, изготовленным человеком. Взгляните в последний раз на меня, бесполезная наживка для рыбы, потому что я больше не вернусь сюда.

Д'Арлей тихонько чертыхнулся, когда самый знаменитый боец христианского мира покинул балкон. Толпа начала расходиться. Люди были довольны тем, что он смог оскорбить французское рыцарство. Д'Арлей знаком показал шотландцу, чтобы тот следовал за ним, и стал энергично пробираться сквозь толпу. Вдруг он услышал, как кто-то зовет его. Д'Арлей остановился и оглянулся.

– Господин д'Арлей! Господин д'Арлей!

– Кто меня зовет?

К ним подошел незнакомец, по виду чей-то оруженосец.

– Мой господин садится ужинать и желает, чтобы вы составили ему компанию, – сказал он.

Д'Арлей был поражен.

– Неужели твой хозяин рассмотрел меня с высоты балкона?

– Орел, – воскликнул оруженосец с гордостью, – может обнаружить свою жертву в воздухе с расстояния в тысячу футов! Почему вы так удивляетесь тому, что Жак де Лалэн узнал господина д'Арлея с расстояния всего лишь двадцати ярдов?

– Передай благодарность своему хозяину и скажи, что господин д'Арлей, к сожалению, не может принять его предложение. Со мной друг, и мы собираемся поужинать у меня дома.

– Мой господин сказал, если возникнет необходимость, шотландец тоже может с ним поужинать.

Прежан Кеннеди ухмыльнулся:

– Он также с расстояния двадцати ярдов смог разглядеть мой клетчатый платок.

Д'Арлей и Кеннеди переглянулись. Д'Арлей шепнул своему спутнику на ухо:

– Наверное, будет интересно взглянуть на голодного бургундского вепря во время кормежки.

– Да. А потом я смогу хвастаться, что ужинал с самим Жаком де Лалэном.

Д'Арлей обратился к оруженосцу:

– Поблагодари своего господина и передай ему, что мы к нему присоединимся, как только уоемся и приведем в порядок одежду. Предупреди его, что по сравнению с ним его гости будут похожи на ошипанных ворон.

Оруженосец равнодушно произнес:

– Так обычно и бывает, господин.

2

Жак де Лалэн встретил их в комнате, где стол уже был накрыт чистой скатертью. Он отпустил своих спутников, в комнате оставался только один слуга. Жак де Лалэн сидел, развалившись в кресле и широко расставив массивные ноги. Он медленно и неохотно поднялся, когда гости появились в комнате.

– Робин де Бюрей, сир д'Арлей, – сказал он, сдержанно кланяясь, – рад вас снова видеть. А это шотландец? Его имя ничего для меня не значит. Очень хорошо, что вы пришли и мне не придется ужинать одному.

– Действительно, это очень приятно, господин де Лалэн, – ответил д'Арлей, кланяясь.

Он пристально посмотрел на гиганта и подумал: «В нем все-таки есть что-то благородное, но это все равно самое жестокое лицо, которое мне приходилось когда-либо видеть».

Слуга начал подавать угощения, они оказались вполне приличными. Им подали прекрасное филе камбалы в белом соусе, приправленное пряностями. Затем последовала жареная утка, и в качестве главного блюда был предложен молодой жареный козленок с бантиком на хвосте. На десерт подали соус из фиников и изюма, приправленных яичными желтками. Д'Арлей наблюдал за тем, как подавали все эти аппетитные блюда, и думал, что подобный обед могут предложить только в Париже, а не в Бургундии, родине де Лалэна.

Великан почти все время говорил сам. Поразительно, как его тонкий голосок мог исходить из столь могучего тела. Де Лалэн без конца рассказывал о собственных приключениях и победах. Он побеждал противников одним ударом. Он поделился также планами своих будущих поединков.

Только раз де Лалэн отвлекся. Он взглянул на д'Арлея и вдруг заметил, что тот совершенно не похож на своего старшего брата, – де Лалэн видел его при дворе.

– Граф – такой старый сплетник. Я даже смеялся над некоторыми его шуточками... Обычно меня трудно рассмешить. Его прелестная госпожа Изабо, – де Лалэн снова взглянул на д'Арлея, – напоминает мне... испанскую даму, чья розетка была прикреплена к моей пике, когда я сражался с доном Гузманом в Кастилье несколько месяцев назад. Но прежде чем я расскажу вам все детали этого поединка, я должен поделиться впечатлениями о прекрасной графине. Я ее считаю более прекрасной, чем мою маленькую испанскую красотку. Она приближается к возрасту, когда прекрасный цветок начинает засыхать на стебле, но... Должен признаться, господин д'Арлей, что мне нравится вкус спелости.

– Моя милая невестка, – небрежно заметил д'Арлей, – действительно очень красивая женщина.

– Мне известно, что вы о ней хорошего мнения. Сир д'Арлей, вы не женаты?

– Нет.

– И у меня тоже нет жены. – Бургундец резко захохотал. – Но у нас, видимо, для этого были различные причины.

Д'Арлей почувствовал отвращение к этому человеку и подумал: «В каждом слове этого верзилы чувствуется высокомерие, да и хорошими манерами он не отличается».

Де Лалэн торжественно поднимал кубок вровень с глазами после каждого глотка, как будто отмечал какое-то важное событие. Де Лалэн старался аккуратно пользоваться ложкой и ножом. Он торжественно, почти театрально разводил руки в стороны, прежде чем начинал произносить свои монологи.

– Как я уже говорил прежде, во Франции нет рыцарей, которые не побоялись бы встретиться со мной. – Де Лалэн возвращался к своей излюбленной теме. – Мне придется отправляться в Шотландию, Англию или, может, даже в Италию, чтобы там найти достойных противников.

– Рыцари Франции, – заметил д'Арлей, – не принимают ваших вызовов по приказу короля.

Жак де Лалэн фыркнул.

– Храбрые игрушечные рыцари очень рады тому, что могут спрятаться за королевским указом.

Д'Арлей понял, что у него уже нет сил терпеть этого наглого хвастуна. Но он постарался ничем себя не выдать.

– Король пытается предупредить дуэли, потому что в случае возобновления войны ему понадобится каждый храбрый рыцарь. – Д'Арлей поставил кубок на стол и взглянул на верзилу. – Может, лучше сражаться вместе с рыцарями Франции, чем против них? Конечно, вы

– бургундец, и, возможно, ваш герцог не станет принимать участия в военной кампании. Но англичане – сильные и хитрые противники, и нам, повторяю, понадобится каждый отважный воин. Если Жак де Лалэн станет сражаться под французскими королевскими лилиями, он подаст пример храбрости другим воинам.

Бургундец осторожно раздавил горошек перца, насыпал его в кубок и приказал слуге налить вина. Он сделал глубокий глоток, затем ответил:

– Я не собираюсь сражаться во французской армии.

В комнате наступила тишина. Первым заговорил д'Арлей:

– Вы меня поражаете.

– Меня не волнуют ваши чувства! Но если вам интересно знать причину, я могу ее объяснить.

– Я попытаюсь понять ваши доводы, – заметил д'Арлей. Странствующий рыцарь поправил горностаевую накидку.

Огонь в очаге умирал, и в комнате стало прохладно. Де Лалэн сделал знак слуге покинуть комнату.

– Мне не нравится использование пушек, – сказал де Лалэн. – До меня дошли слухи, что вы собираетесь использовать трубки, которые изрыгают огонь. Они называются бомбарды. Очень жаль, что война перестанет быть честной встречей между храбрыми рыцарями, где всемогущий Бог выступает в роли арбитра. – Он взглянул бледно-голубыми невыразительными глазами на гостя. – Я не стану сражаться ради страны, которая собирается использовать черную магию.

– Бомбарды станут нашим ответом на магию английских больших луков, – спокойно сказал д'Арлей.

Бургундец не пожелал слушать подобные доводы.

– Должен вам признаться, что с симпатией отношусь к Франции. Англичане слишком долго задержались на этой стороне Ла-Манша, и давно пора выбросить этих завоевателей из Франции на их ужасный дикий остров. Но я вам клянусь, – громко, хриплым голосом крикнул де Лалэн, – я предпочитаю, чтобы вы проиграли все сражения, чем выиграли их другими средствами, кроме сил французского рыцарства!

Д'Арлей пошевелился в кресле.

– Мы не сможем выгнать англичан из Нормандии, если станем проигрывать сражения.

– Господин д'Арлей, вы человек благородного происхождения, и мне не стоит вам объяснять, что именно я имею в виду.

– Результат сражения – это не самое главное. Гораздо важнее то, как ведется бой. Я твердо верю, как должны верить все рыцари, что Бог дарует победу той стороне, которая сражается храбро и в соответствии с Кодексом рыцарства!

Д'Арлею становилось все труднее сдерживаться.

– Именно такой образ мышления и стоил Франции столетия поражений и страданий.

– Я довольно известный бомбардир, – вмешался в разговор Прежан. Он заговорил в первый раз за время ужина. Я могу вам сказать, сэр рыцарь, что пушки быстро и без особого труда расчищают путь к Ла-Маншу.

Жак де Лалэн даже не взглянул на шотландца.

– Вы не являетесь рыцарем, кроме того, мое гостеприимство не позволяет вам принимать участие в разговоре.

Де Лалэн обратился к д'Арлею:

– Я не собираюсь с вами спорить о принципах благородного ведения войны. – Де Лалэн нахмурился и покрутил в руках кубок, как бы решая, продолжить разговор или остановиться. – Я специально пригласил вас ко мне на ужин сегодня. Ваш брат сказал, что вы каким-то образом связаны с жадным купцом, который, кажется, околдовал вашего короля. Мне также известно,

что этот Жак Кер настаивает на использовании бомбард. Я хочу, чтобы вы сделали для меня кое-что и передали Жаку Лисице следующее послание. – Он отставил кубок и неохотно продолжал: – У меня есть кузен, Алан де Керсэ. Он дал клятву рыцарства, и вообще он вполне приличный парень, хотя не очень силен физически и не может выигрывать поединки. Я хотел взять его с собой в Шотландию или в те страны, куда я отправлюсь. – Де Лалэн остановился и нахмурился. – Вы не поверите тому, что я вам сейчас скажу. Алан отказался ехать со мной! Глупец решил стать бомбардиром. Я пытался доказать ему абсурдность этой идеи. Я даже ему угрожал. Он стоит на своем. Я прошу, скажите Жаку Керу, чтобы он не принимал Алана. Он должен мне помочь спасти парня от стыда и позора.

– В этом нет никакого позора, – возразил д'Арлей. Он смотрел прямо перед собой. – Если мы выиграем войну, то только благодаря использованию пушек и бомбард, которые вы так презираете. Ваш кузен будет хорошо служить в этих войсках.

– Я пытался принять во внимание молодость Алана и не судить его слишком строго. Он должен находиться рядом со мной. Обслуживать пушки могут только простолюдины типа кузнецов, ну или еще кто-нибудь в этом роде.

– Я тоже собираюсь служить под командованием Жана Бюро, – сказал д'Арлей.

Бургундец откинулся в кресле и захохотал.

– Теперь я понимаю, что ошибался, думая, что вы захотите мне помочь. Вы мне сразу не понравились, господин д'Арлей. Мне следовало понять, что человек, имеющий дело с Жаком Лисицей, не может обладать качествами рыцаря. Что ж, мне придется самому отправиться к Жаку Керу. Или, может, лучше сразу пойти к королю. Я стану требовать, чтобы мальчишку отослали домой. – Лицо бургундца побледнело от злости. – Должен вам сказать, господин д'Арлей, что мне симпатичен парнишка, но я предпочитаю его видеть мертвым даже от моей собственной руки, чем среди простолюдинов... и людей благородного происхождения, забывших смысл слова «честь».

– Король вам ничем не поможет.

– Я уверен, – заявил бургундец, – король Франции дважды подумает, прежде чем откажет мне. Я – Жак де Лалэн, величайший рыцарь во всем христианском мире! Нельзя не обращать внимания на мои пожелания!

Д'Арлей больше не мог сдерживаться.

– Вы – Жак де Лалэн, величайший рыцарь во всем христианском мире, – воскликнул он, – это правда! Но вы также – слепой глупец! Обязанность любого патриота – не мешать победе нашей страны! А вы проповедуете никому не нужные правила рыцарства!

Жак де Лалэн с грохотом отбросил кресло и медленно поднялся на ноги. Он опустил сильные руки на край стола и уставился на д'Арлея хищным взглядом.

– Робин де Бюрей, сир д'Арлей, вы меня страшно оскорбили. Конечно, вы не стоящий меня противник, но вы должны ответить за свои слова только одним способом. Я требую сатисфакции!

– Я принимаю ваш вызов!

Бургундец удивленно взглянул на него, словно ждал, что д'Арлей станет вилять и попытается как-то оправдаться. Д'Арлей поднялся с кресла. Первая волна гнева покинула его, и он понимал, что находится в опасности. «У меня нет шансов выстоять против этого мясника, – думал он. – Он разнесет меня на мельчайшие кусочки!»

– Я всегда сражаюсь только с теми людьми, чьи семьи могут похвастаться благородным происхождением по крайней мере в четырех поколениях со стороны отца и матери, – заявил де Лалэн, пытаясь найти слабую сторону в генеалогии д'Арлея.

– Семейство де Бюрей славится своим происхождением многие века. Этим действительно могут похвастаться далеко не все рыцари, – в тон наглому верзиле ответил д'Арлей. – Моя мать, как вам известно, Амалия де Мейли. А как насчет вашей генеалогии?

Некоторое время они молча сверлили друг друга взглядами. Бургундец побагровел и схватился за меч. Его ярость была настолько велика, что казалось, от нее сильнее раздалось его и без того чересчур пышные рукава.

– Я хотел дать вам шанс отказаться от поединка, – фыркнул де Лалэн. – Вы этим шансом не воспользовались, а теперь мы можем разрешить наш спор только на поле чести.

– Я предлагаю вам снова сесть, – сказал д'Арлей. Он внезапно обнаружил, что у него трясутся коленки. – Мы можем с удобствами обсудить условия поединка. Я предлагаю сначала вспомнить условия Кодекса рыцарства применительно к существующей ситуации.

– Эти условия сформулированы предельно четко и ясно, – сказал де Лалэн, большим глотком отпивая вино.

– Они не так просты, как вы утверждаете. Мне известен Кодекс не хуже, чем вам, сударь. Позвольте мне заметить, что Кодекс пытается дать одинаковые возможности противникам, которые не равны по силе и опыту. Вы являетесь величайшим рыцарем всего христианского мира и должны признать, что мы не равны по опыту ведения поединков. Значит, это должно приниматься во внимание во время выбора оружия.

– Оружие выбирает оскорбленный противник, а им являюсь я.

– Напротив, это именно вы спровоцировали ссору между нами.

Бургундец нетерпеливо махнул рукой:

– Я не желаю с вами спорить. Я не адвокат и сражаюсь с помощью чести и стали, а не с помощью хитрых слов и рассуждений. Вы меня оскорбили, и это может подтвердить тот парень. Значит, оружие выбирать мне!

Д'Арлей понимал, что его жизнь зависит от выбора оружия.

– Оскорбление не всегда заключается в высказанных словах. Вы можете спровоцировать ссору враждебным взглядом или другим скрытым действием. Вы, Жак де Лалэн, смертельно меня оскорбили. С того момента, как я вошел в эту комнату, вы обливали меня презрением. Вы просто пыжились от гордости. Вы говорили то, что оскорбительно для любого француза!

– Но вы все равно оскорбили меня.

– Мы друг с другом не согласны, и что вы предлагаете? Подать жалобу в суд чести?

Бургундец фыркнул:

– Если понадобится, мы так и сделаем!

– Тогда нам придется вспомнить слова, которые вы сегодня говорили, – напомнил ему д'Арлей. – Вы в открытую насмехались над смелостью и умением французских рыцарей. Что решит суд чести по поводу ваших оскорблений?

Бургундец быстро взглянул на д'Арлея, и тому стало ясно, что наглости де Лалэна поубавилось.

– Я просто рассуждал в целом.

– Тем хуже. Вы посмели сомневаться в храбрости всех рыцарей. Вам стоит подумать о том, что будет, если мы не разрешим наш спор прямо сейчас.

Жак де Лалэн завертелся в кресле, как капризный мальчишка, которому не удастся настоять на своем. Прошло некоторое время, прежде чем он заговорил:

– Какое оружие вы выбираете? Д'Арлей быстро ответил:

– Мою саблю. Бургундец громко захохотал:

– Саблю или меч? Вам известно, что я лучше всех в мире владею мечом?

– Я выбираю мою собственную саблю, – твердо повторил д'Арлей. – Вы будете сражаться саблями, имеющей тот же вес, длину и форму, что и моя.

Де Лалэн немного помрачнел.

– Дайте мне посмотреть, – потребовал он.

Д'Арлей достал саблю и положил ее на стол. Де Лалэн поднялся и взял в руки саблю. Кончиком пальца он коснулся острия сабли, а потом махнул ею в воздухе.

– Интересное оружие. Где вы его достали?

– Такой тип сабель обычно используется на Востоке. Мне привезли эту саблю из Испании.

– Я никогда прежде не видел ничего подобного, – заворчал де Лалэн, – она похожа на женское оружие, но конец у нее острый.

– С этой саблей сражаются без всяких доспехов.

– Ха, еще какие-то дополнительные условия! Мне следовало этого ожидать. Ясно, что хороший или просто удачный удар может пронзить человеческое тело. – Он с подозрением взглянул на д'Арлея. – Вы задумали нечто хитрое, и мне это совсем не нравится!

– Вы все равно можете выиграть. Вы же сами заявили, что прекрасно владеете любым видом оружия.

– Я прежде никогда не держал подобной сабли в руках. Бургундец вновь резко взмахнул саблей в воздухе, чтобы проверить баланс оружия. Потом он взглянул на эфес, там мелкой вязью было что-то написано по-арабски. Де Лалэну стало бы не по себе, если бы он мог прочитать эти слова: «Подарена Алаассиром аль-Асמידом. Пусть отсохнет и сгниет рука врага моего друга, коснувшегося этой благородной стали».

– Кажется, вы умеете владеть этим новым оружием, – сказал он.

Д'Арлей уверенно кивнул:

– Да, вы правы. Я пользуюсь только им.

– А вот я не стану использовать в сражении это оружие! – Бургундец швырнул саблю на стол. – Я не сражаюсь на саблях!

– Тогда нам придется обратиться в суд чести, – заявил д'Арлей.

Де Лалэн заворчал:

– Говорю вам в последний раз: давайте выбирать оружие по жребию. Мы бросим монетку в воздух, а там будет видно.

Д'Арлей начал колебаться – он ни на секунду не забывал: если не настоит на своем, его ждет верная смерть.

– Только на саблях мы сможем сражаться на более или менее равных условиях, – заявил д'Арлей.

Бургундца было невозможно переубедить. Он упрямо повторял:

– Пусть все решит монетка.

Прежан Кеннеди поворачивал голову от одного к другому и от волнения шумно дышал. Он шепнул на ухо д'Арлею:

– Если вы поддадитесь этому мяснику, клянусь святым Эндрю, вы подпишете свой смертный приговор.

Д'Арлей в свою очередь шепнул ему:

– Если я буду продолжать спорить, он меня объявит трусом. Мне не стоило затевать с ним ссору, а теперь придется отвечать за это.

В комнате воцарилась тишина. А'Арлей нарушил ее первым:

– Клянусь Богом, пусть будет по-вашему, бросайте монетку!

Де Лалэн достал из кошелька золотую монету и поднял ее вверх.

– Это старинная английская монета, д'Арлей, моя сторона—с головой короля, то есть решка. Вы можете выбрать сторону с крестом и трилистником. Согласны?

– Согласен.

– Меня не устроит, если мы только подбросим монетку в воздух, – заявил величайший рыцарь всего христианского мира. – На свете существуют такие ловкие руки, что могут подбросить нобль к самому потолку и потихоньку изменить направление его полета. Д'Арлей, у вас странные знакомые, и поэтому я настаиваю на том, чтобы мы все сделали, как у нас в Бургундии. Я брошу монетку в воздух, а вы ее поймаете в кубок хорошего бургундского вина,

потом передаете кубок мне, а я его переворачиваю вверх дном, и мы видим, как распорядилась судьба.

– Согласен.

Д'Арлей поднялся на ноги и прислонился к столу. Его трясла мелкая дрожь. У бургундца лицо лоснилось от возбуждения. Он подбросил монету в воздух и поймал ее, а потом посмотрел.

– Король! – радостно воскликнул он. – Это хорошая примета! Д'Арлей, подставляйте кубок. У вас не дрожит рука и вино не станет из него выплескиваться?

Он подбросил нобль высоко в воздух. Д'Арлей двумя руками держал кубок и поймал вращающуюся желтую монетку. Он с трудом удерживал в руках кубок, передавая его де Лалэн. Бургундец перевернул кубок, и красное вино начало расплзаться по скатерти.

– Поднимите кубок! Скорее, вы, упрямый спорщик! – воскликнул де Лалэн. Он переступал с ноги на ногу от нетерпения. – Сейчас мы увидим: король или крест. Я клянусь, что это будет король! Если так случится, вас ждет смерть от моего боевого топорика! Давайте, может, вы боитесь смотреть?

Д'Арлей протянул руку и поднял кубок. Он боялся увидеть золотую монету. Вскоре д'Арлей понял, каков результат, потому что его противник молчал, а Прежан Кеннеди громко хохотал.

– Крест! – возмутился де Лалэн. – Почему тут оказался крест?

Д'Арлей сам посмотрел на монету и испытал глубокое облегчение. «Я никогда не видел более красивого рисунка на золотой монете! – радовался он. – До чего же прекрасные крест и трилистник! Бог решил, что мне должен представиться шанс победить это животное!»

– Я требую отсрочки, – мрачно заявил бургундец. – Мне нужно время, чтобы найти такую же игрушку и попытаться научиться ею действовать. Д'Арлей, тебе повезло и ты можешь пожить еще немного, – проворчал он. – Когда я буду готов, ты от меня получишь известие.

– Согласен, – ответил д'Арлей. – ...А теперь, – они с Кеннеди наконец оказались на улице, – мы должны отдохнуть. Пойдем на улицу Грень-сюр-Л'О. Должен признаться, что я совершенно ослаб и телом и духом.

Шотландец был вне себя от возмущения.

– Вам, сударь, придется потерпеть еще часок. Мне знаком один человек по имени Гаспар Суллен. Он лучше всех владеет саблей. Вам понадобятся его услуги, потому что вы должны быть в хорошей форме.

– Я уверен, – надменно заявил д'Арлей, – что могу сам кое-чему научить твоего специалиста.

– Когда Жак де Лалэн позовет вас на битву, – серьезно заметил шотландец, – он будет так хорошо владеть саблей, что сопротивляться будет также трудно, как пронизывающему северному ветру. Пошли! До дома Гаспара всего лишь полчаса ходьбы. Мы обязательно должны с ним повидаться сегодня и договориться о ближайшей встрече.

Глава 7

1

Валери отправилась спать в таком смятении чувств, что не смогла разглядеть спальню. Она лишь обратила внимание, что комната была очень красиво убрана. Девушка проснулась рано утром, когда первые лучи солнца начали проникать сквозь окна. Валери подумала, что прежде ей никогда не удавалось спать на такой мягкой постели. Ее поразило покрывало, вышитое синими и золотыми нитками. СЖа дивилась рисунку – на одеяле красовались сердце и раковина. Позже ей стало известно, что это фамильный знак Жака Кера. Кровать под балдахинном была огромной. Тут же была полка для книг. На полке лежал мешочек с благовонными травами. На столе стоял подсвечник. Свеча была два фута высотой, а толщиной в руку девушки.

Несколько минут Валери спокойно лежала. Она вспоминала, что слогалось вче,ра, и думала о том, какие пианы вынашивал хозяин этого огромного каменного здания.

«Какой странный человек! – думала девушка. – Кажется^, что его глаза могут обжечь тебя. Но по-моему, он – добрый человек, несмотря на то что бывает резок и все время куда-то торопится. Мне хотелось бы знать, что он задумал насчет меня!»

Валери было ясно только одно – все сводилось к ее происхождению. Жак Кер сразу понял, на кого она похожа, и помог господину д'Арлею увидеть это сходство. Что бы это могло значить?

– Сегодня я узнаю, кто же я такая на самом деле,^– сказала вслух Валери, села на кровати и покачала головой.

Она начала размышлять о д'Арлее. Вторая встреча только подтвердила первое впечатление о нем. Он не был красивым, держался просто и не задавался, как было принято среди людей благородного происхождения. Но девушка не сомневалась в том, что он был настоящим рыцарем. Он держался с ней просто и был добр, как в ту ночь, к^гда они вместе сколачивали гроб для Дамиана Марэ и она рассказывала о себе. Девушка с гордостью подумала: «Я нравлюсь ему».

Ее волновала эта мысль, хотя она сама не пыталась понять, как к нему относится.

Она снова начала разглядывать прекрасную комнату.

Она взглянула на аналой, стоявший у стены. Там же стояли скамья с бархатными подушками и резной сундук с массивными бронзовыми ручками. На стене висело распятие. Лицо Спасителя излучало такую доброту, что у девушки выступили слезы. Валери еще раз взглянула на широкую кровать и решила, что на ней вполне могут поместиться пять человек.

– Как чудесно, что я спала в такой кровати и могла свободно на ней вытянуться!

Ей приходилось спать в тесной палатке Марэ или в вонючих каморках ужасных харчевен. Ее всегда раздражало, что надо спать на неудобной койке и быстро переодеваться, по-стоянно ловя на себе чужие взгляды.

Девушка откинула покрывало и перекатилась вдоль кровати, чтобы оценить по-настоящему ее ширину. Она проделала это шесть раз и в конце концов с шумом шлепнулась на пол. Валери собиралась подняться, когда взгляд ее остановился на паре туфелек, стоявших у стула. Они были такие красивые! Из мягкой кожи и того зеленого оттенка, который бывает у листвы весной. Верх башмачков был отогнут, что позволяло разглядеть подкладку из мягкого белого материала. Но самым прекрасным в этих башмачках был бант из желтого бархата!

Валери замерла. Она не верила собственным глазам. Это какая-то ошибка! Перед сном она положила одежду именно на этот стул и поставила рядом с ним старые башмаки. Они как раз подумала, что такая старая обувь здесь совсем не к месту. Что же случилось?

Девушка медленно подняла глаза и удивилась еще сильнее. На стуле лежало платье. Не ее потрепанное платье. Это был совсем новый, незнакомый наряд.

Валери вскочила, вся дрожа и от возбуждения, и от того, что в комнате было прохладно, – она, согласно обычаям того времени, спала нагой.

– Эта одежда, наверное, для меня! – радостно воскликнула Валери. Она дрожащими пальцами взяла шелковую юбку такого же нежно-зеленого цвета, как и башмачки. Какая прелесть! Такие вещи может носить настоящая госпожа.

Она не знала, стоит ли ей надевать новые вещи. Валери оглядела комнату еще раз и поняла: или она наденет это платье, или останется голой. В комнате не было ее старой одежды. Валери надела льняную рубаху прямо на голое тело. Рубаха была настолько прохладной, что девушка вздрогнула от ее прикосновения. Затем Валери надела корсаж, плотно прилежавший к талии. К нему были пришиты широкие рукава, отделанные золотом, на манжетах. Валери надела юбку и, к собственному удивлению, обнаружила, что при каждом шаге она шуршит, словно выражает удовлетворение, что принадлежи! такой прелестной девушке. Затем Валери надела лосины. Они были изготовлены из такой тонкой шерсти, что красиво и плотно облегли ее ноги. Наконец очередь дошла и до башмачков. Девушка была поражена, что в них так удобно.

Заключительным аккордом была шляпка из желтого бархата с потрясающей отделкой. Девушка только взглянула на нее и сразу поняла, что она ей пойдет.

«Кто же я такая, раз он считает, что я должна носить такие великолепные вещи?» – дрожа, думала Валери.

В доме начали просыпаться люди. Валери слышала шаги и голоса в холлах и коридорах. Голоса отдавали приказания, было слышно, как кого-то ругали. Девушка вышла на площадку внутренней лестницы и посмотрела вниз. Там суетились люди. Валери стало любопытно. Ей захотелось взглянуть на великолепный магазин, и она стала спускаться вниз.

Девушка сразу почувствовала странные, незнакомые запахи и ароматы. Некоторые из них были тяжелыми и даже дурманящими. Это были пряности, привезенные с Востока. Валери заглянула через открытую дверь в длинную комнату, где по обеим сторонам стояли металлические коробки. Запахи здесь были очень сильными, и она решила, что именно тут хранятся пряности. В другие двери Валери увидела еще более потрясающие вещи – прекрасную мебель и блестящие доспехи. Самыми интересными для нее были разноцветные материи, натянутые на большие рамы. Мимо нее по лестнице пробежал служащий с листом бумаги в руках. Она услышала, как он споткнулся и остановился. Девушка поняла, что он повернулся к ней и стал ее разглядывать. Наверное, он никак не мог понять, кто же она такая.

На каждом этаже ей встречались немолодые мужчины и женщины. На них были серые одежды с красным сердечком на рукаве. Они размахивали метлами, приводили в порядок помещение. Одна из старых женщин с острыми чертами лица остановилась, когда Валери проходила мимо нее. Она пристально смотрела на девушку.

– Я видела тебя, когда ты появилась здесь, – шепнула старуха. – На тебе тогда была потрепанная одежда.

Валери попыталась ускользнуть от старухи, но та крепко схватила ее за руку.

– Какая ты хорошенькая, милашка! Я могла бы тебе помочь, если бы ты прислушалась к старой даме Трикс.

Старуха быстро и опасно оглянулась и сделала странный жест пальцем. Она согнула его над остальными пальцами.

– Ты понимаешь, что это значит? Это знак Кокиля. Тебе понятно, что это такое?

– Нет, – ответила Валери. Она сильно испугалась. – Я – нездешняя и ничего не понимаю в делах парижан.

– Малышка, ты попала в правильное место. Я помогла многим деревенским девушкам подзаработать в Париже. Хриплый голос старухи зазвучал тише. – Не смей мне говорить, что ты никогда не слышала о Короле Кокилей.

– Мне известен только один король, – пробормотала Валери.

Конечно, она, как и многие другие, много слышала об этой организации, которая распространилась по всей Франции. Ей было также известно, что организация особенно сильна в Париже и глава ее жил очень богато. Но в этот момент Валери занимало только одно – как бы побыстрее избавиться от этой мерзкой тетки.

– Ха, – фыркнула старуха. – Этот король правит лучшими подданными в Париже! Смелые воришки с золотом в кошельках, и они готовы потратить его на хорошенькую девчонку вроде тебя! Они умеют сделать приятное девушке и открыть любой замок. – Она довольно покачала головой. – Если хочешь иметь такого мужчину, приходи ко мне. Спроси даму Трикс. Просто даму Трикс. И еще одно. Она грозно наклонилась к девушке. – Если тебе дорого твое хорошенькое личико, никому не болтай о том, что я тебе сказала.

Валери вырвалась из кривых крепких пальцев и побежала не разбирая дороги по темному коридору. Ей так хотелось оказаться подальше от омерзительной старухи, что, подбежав к двери в конце коридора, она отворила ее. Комната показалась ей знакомой. Стены там были побелены, сквозь окна сияли лучи раннего солнца. Валери стояла за низкой ширмой. За столом сидел мужчина, погруженный в работу. Он поднял голову при звуке открывающейся двери, и Валери увидела Жака Кера.

– Доброе утро, дитя мое, – сказал он, улыбаясь. – Я правильно выбрал для тебя платье? Мне очень приятно, что ты рано встаешь! Я не ожидал видеть тебя в такое время. Но вот ты уже здесь, и нам никто не помешает. Значит, следует прямо сейчас поговорить.

2

Кер снял плащ и отвернул воротник камзола. Валери увидела сильную, загорелую шею. Это был подходящий пьедестал для такой выразительной головы. Лосины у Кера были наполовину красные, наполовину зеленые. Кер снял башмаки, они лежали на полу рядом с креслом. Для такого мощного человека у него была поразительно маленькая нога. Зеленые носы башмаков были загнуты вверх, и их украшали золотые кисточки. В те времена мужчины не стеснялись носить нарядную обувь.

– Проходи! – сказал Кер. Валери была настолько смущена, что осталась стоять у двери. – Проходи и садись. Мне нужно задать тебе сотню вопросов. – Девушка заняла кресло у стола. Кер внимательно взглянул на нее, а потом одобрительно кивнул. – Если я раньше сомневался, то теперь абсолютно уверен. Ты так напоминаешь мне... Но об этом мы поговорим позже.

Кер не преувеличивал, когда сказал, что желает задать Валери сотню вопросов. Ему уже была известна история ее жизни в подробностях. Он знал о Валери больше, чем д'Арлей. Кер, пожалуй, походил на адвоката, который задает вопросы свидетелю. Он наклонился вперед, чтобы лучше видеть выражение лица девушки. Кер выпаливал залпы вопросов так быстро, что она была похожа на французского солдата, в которого со всех сторон летят стрелы английских лучников. Она должна была говорить ему правду, но в то же время быть начеку.

Наконец Кер стал задавать общие вопросы.

– Если бы я дал тебе золотую монету, что бы ты стала с ней делать?

– Золотую монету?

Было ясно, что ее смутила сама возможность держать в руках такое сокровище.

– Мой господин, но я никогда прежде не видела золотой монеты с изображением короля.

– Вот и хорошо. Но все равно, что бы ты с ней стала делать?

Валери принялась рассуждать:

– Я бы поменяла ее на более мелкие монетки, господин Кер. Мне следовало бы принимать только знакомые мне монеты, чтобы меня никому не удалось обмануть. Потом я спрятала бы монетки в разные места и не клала бы больше двух монет в одном месте. Я бы никогда не показывала никому больше одного лиара, и тогда никому не было бы известно, что у меня есть такие большие деньги.

Кер удовлетворенно кивнул и перешел к следующему вопросу:

– Предположим, что тебе было бы нужно выбирать из трех вещей: Библию, золотую цепочку или штуку хорошей материи – что бы ты выбрала?

– Милорд, я бы выбрала штуку материи, – без колебания заявила девушка.

– Не ожидал, что ты сделаешь такой выбор. Объясни мне, почему ты так решила?

Девушка подумала: «Неужели я сделала неправильный выбор?» Потом начала объяснять:

– Конечно, я очень ценю Библию, господин Кер, но я не умею читать и, наверное, никогда уже не научусь. Тогда мне не пригодится Библия. Этих книг так мало, а у меня она лежала бы без дела. Было бы лучше, если бы она очутилась в руках человека, умеющего читать.

– Так, мне понятны твои рассуждения. Тебе, конечно, не стоило выбирать Библию.

– Если бы у меня появилась золотая цепочка, – продолжила девушка, – люди могли бы сказать, что я ее украли, и посадили бы меня в тюрьму. Людей вроде меня, попадающих в тюрьму, даже если они не виноваты, подвергают пыткам. После пыток нам уже остается жить очень недолго, если даже мы их выдержим.

– Что ты скажешь насчет штуки шерстяной ткани?

– Ее можно обменять на более простой материал и к нему добавить отделку из меха и какие-нибудь бусы. И кроме того, после сделки останется немного денег. Но мне в данном случае не будет угрожать никакая опасность. Видите, господин Кер, мне было нужно выбрать материю.

– Мадемуазель, я считаю, что вы сделали правильный выбор.

Кер быстро задал девушке следующий вопрос, желая поймать ее врасплох:

– Расскажите мне о Дамиане Марэ. Был ли он слабым актером, почему ему всегда доставались плохие роли?

Валери с возмущением ответила:

– Господин Кер, он был хорошим актером. Очень хорошим. И мог играть на некоторых музыкальных инструментах. Это должны уметь делать все актеры. Ему всегда давали хорошие роли. – Девушка гордо откинула назад голову.

– Если он был такой хороший актер, почему тогда вы жили так бедно? Мне также сказали, что он плохо к вам относился.

Девушка с трудом сдерживалась от проявления гнева.

– Он старался изо всех сил.

– Мадемуазель, мне кажется, что вы его зря защищаете. Вам прекрасно известно, что он был ленивым бездельником. Мне также известно, что он сильно пил. Он вас бил, когда был пьян?

Валери резко поднялась, в ее глазах появились слезы ярости.

– Господин Кер, вы были ко мне добры, но вы не имеете права так хулить господина Марэ.

– Успокойтесь, дитя мое, – сказал Кер ласковым голосом. – Вы не должны так реагировать на мои слова.

– Он пил, потому что ему страшно не везло, – начала объяснять Валери. – Теперь, когда мне известно ваше мнение о нас, давайте прекратим этот разговор.

Кер довольно рассмеялся. Было ясно, что ему понравилась реакция девушки на его слова.

– Присядьте, мадемуазель. Мне теперь известно, что господин Марэ был величайшим актером и прекрасным человеком. Я вас проверял. – Он кивнул и улыбнулся Валери. – Мне нравится ваша верность. Мне было бы весьма неприятно, если бы вы оказались слишком тихой

и не посмели высказать собственное мнение! Мадемуазель, – продолжал Кер, – мне следует задать вам еще один вопрос. Он относится к тому, что случилось двадцать пять лет назад.

Валери внимательно взглянула на него.

– Двадцать пять лет назад? Когда Дева...

– Да. – В голосе Кера послышались почтительные нотки. – Мадемуазель, это самая важная дата во всей длинной истории Франции. – Они не отводили взгляда друг от друга. Кер улыбнулся. – Мне кажется, что вы начинаете кое-что понимать, – сказал он. – Да, дитя мое, мы подошли к концу расспросов, которые вы так терпеливо выдержали. Вас удивляло, почему я задавал столько, по вашему мнению, ненужных вопросов. Я просто хотел быть уверенным, что вы умны и решительны, что обладаете здравым смыслом. Только после этого я мог беседовать с вами. Сомнения мои рассеялись. – Кер покачал головой. – Теперь расскажите мне о том, что же случилось двадцать пять лет назад.

– Тогда Голоса начали беседовать с Девой.

– Да, Голоса стали беседовать с крестьянской девушкой и сказали ей, что она должна спасти Францию. Многие известные люди понимали, что для этого нужно сделать, но у них не было сил, чтобы убедить в этом короля Франции. Бог правильно избрал инструмент исполнения собственной воли. Он выбрал самую обычную девушку. Франции не повезло, потому что Жанна д'Арк прожила на свете очень мало и не смогла довести до конца начатое дело. – Он помолчал, чтобы его слова дошли до сознания Валери. – Скажите, если бы вы жили в то время и слышали Голоса, вы бы им повиновались?

– Надеюсь, что у меня хватило бы храбрости сделать то, что сделала Орлеанская Дева, – тихо ответила девушка.

– Я в этом уверен. Я надеюсь и на то, что у вас хватит веры, если... если прозвучит второй призыв.

– Мне кажется, мой господин, что каждая девушка во Франции мечтает о повторении подвига Орлеанской Девы!

– Вы не побоялись бы последствий, которые могут возникнуть? Внимательно подумайте, Валери Марэ, прежде чем дадите ответ. Возможно, пришло время второго призыва. Но это будет по-другому. Не надо будет мчаться в сражение в сверкающих доспехах. Чудо Жанны д'Арк никогда не повторится. Дитя мое, как я уже сказал, на этот раз все будет по-иному. Вы не испытаете славы, и, возможно, не более дюжины человек будут знать правду. Возможно, что вам придется испытать стыд, а не славу... – Он замолчал. – Вы хотите, чтобы я вам рассказал и все остальное?

Девушка посмотрела ему в глаза:

– Да, господин Кер.

– Мне придется вам много объяснять. Я сделаю это очень откровенно и должен получить от вас обещание, что вы никогда и никому не повторите мои слова.

– Я даю вам такое обещание.

Кер рассказал все, о чем подумал, увидев Валери в первый раз. Он инстинктивно понизил голос, и слова его звучали очень убедительно.

3

Жак Кер подошел к концу своего рассказа.

– Кому-то придется занять место Агнес Сорель. Эта женщина должна прежде всего думать о Франции. Вы, мадемуазель, стали моим выбором.

Девушка отреагировала сразу:

– Нет, нет, господин Кер! Вы так не думаете!

– Я в этом абсолютно уверен. Валери покраснела.

– Я... я не подхожу для этого. Никто меня не примет за благородную даму.

– Вас можно всему научить. Мне кажется, что вам будет несложно выполнить эту роль. В ваших венах течет благородная кровь. Я в этом не могу ошибиться. Вы умная девушка и все схватываете на лету. Да, малышка, вы скоро научитесь всем трюкам и хитростям и станете настоящей дамой.

– Милорд, разве вы не видите, что меня... страшит мысль о том, какую мне придется вести жизнь...

– Дева не стала отказываться от своей будущей судьбы.

– Но тогда все было по-другому. Ей предстояла слава! Она скакала в сверкающих доспехах во главе французских армий. В этом не было ничего стыдного.

– Она умерла ужасной, жестокой и постыдной смертью. С самого начала она понимала, что ей грозит, но не стала уклоняться от своей судьбы. Дитя мое, я тебя не уговариваю. Ты должна все обдумать и сама прийти к решению. Я хочу тебе сказать только одно – у меня нет сомнений, что ты сможешь прекрасно исполнить роль, которую играла Агнес Сорель.

Валери отвернулась, чтобы Кер не мог видеть ее лицо. Она смотрела на ближайшее окно, откуда струились лучи щедрого солнца.

– Господин Кер, вам не кажется странным, что я напоминаю леди Агнес?

– Нам придется начать расследование, и тогда, может, мы найдем этому объяснение.

Девушка не поднимала головы, как бы не желая смотреть ему в глаза.

– Что мне придется делать, чтобы подготовиться к жизни при дворе? – спросила она.

– Вам следует получить образование, чтобы уметь писать и читать, складывать и вычитывать цифры. К счастью, вам необходимо начальное обучение. Никто не надеется, что дама будет писать как клерк или читать, как это делает ученый человек. Если она будет обладать излишними знаниями, все станут сомневаться в том, что она благородного происхождения. Я уверен, дитя мое, что вы легко со всем справитесь. Вы настолько похожи на настоящую благородную девушку, что вполне выдержали бы любое состязание с теми, у кого в крови многие поколения течет благородная кровь.

– Сколько времени может занять подготовка?

– Не менее шести месяцев.

– А после этого? Я хочу спросить, если наш план удастся, что дальше?

Кер прищурился.

– Война закончится не ранее чем через год. Могу поспорить, что она будет решительной и короткой. Мы очистим Францию от врага до следующей зимы... У кормила должен стоять сильный человек в течение пяти лет после заключения мира... Тебе сейчас, наверное, лет шестнадцать. Ты отдашь нам шесть лет – и впереди у тебя останется вся жизнь.

Валери тихо промолвила:

– Останется ли у меня время, чтобы отмолить грехи? Жак Кер сразу пришел в себя и протянул к ней руки:

– Ты считаешь, что в глазах Бога моя просьба является греховной? Я никогда не представлял себе Бога таким, как о Нем рассказывается в книгах или как о Нем говорят священники. Бог – строг, но справедлив. Ему известно, что Франции требуется мир и честный правитель. Ему известно, как страшно страдают ее люди и будут страдать еще сильнее, если у них не появится никакой возможности получить требуемое. Неужели это будет грех, если мы попытаемся помочь Франции и ее народу? – Он крепко пожал руки девушки. – Я знаю мудрого Бога, понимающего и человеческого. Он не станет принимать во внимание небольшие прегрешения во имя великой цели.

Они некоторое время сидели молча. Девушка обдумывала слова королевского казначея. Она выпрямилась в кресле, крепко сжала руки и смотрела вниз.

Кер был поражен, увидев, что она как-то неуловимо изменилась. Щеки побледнели, а под глазами выступили тени. Она стала еще сильнее напоминать Агнес Сорель.

Наконец девушка заговорила:

– Господин Кер, мне нужно время. Я понимаю, что вы мне сказали правду, но тем не менее... мне трудно с этим смириться.

– Ты можешь думать столько, сколько тебе понадобится.

– Вам обязательно знать мой ответ сегодня?

– Нет, дитя мое. Ни сегодня, ни завтра, ни... послезавтра. Девушка глубоко вздохнула.

– Я стану об этом думать и постараюсь бороться с собственными чувствами. Но должна вас предупредить, что, возможно, мне не удастся это сделать.

Кер протянул руку и поднял лицо девушки, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Ты можешь думать об этом много времени, – медленно повторил он. – Ты должна прийти к решению только после того, как все серьезно обдумаешь. В этом процессе должны принимать участие твое сердце и твой разум. Я хочу, чтобы ты знала: если твой ответ будет «да», он должен быть добровольным. Ты должна быть полностью уверена, что сама хочешь принести эту жертву. В ином случае – пусть ответом будет «нет»!

Валери встала и пошла к двери. Вдруг она остановилась, Щеки ее порозовели. Она вновь подошла к Керу.

– Господин д'Арлей знает... об этом?

– Я ему все рассказал вчера.

– Я могу спросить, что... он об этом подумал?

Кер внимательно взглянул на девушку. Он понимал, что для нее может быть очень важным мнение д'Арлея, но все равно честно ответил:

– Дитя мое, он был против.

– Могу спросить почему?

– Сир д'Арлей – человек высоких идеалов, и он очень щедр. Но его поступки нелогичны. Когда судно тонет, необходимо выкинуть груз за борт, если даже он очень ценный. Д'Арлею известно, что судно стоит на пороге гибели, но он предпочтет утонуть со всеми матросами и не расстанется с идеалами. Может, для него это все хорошо, но как насчет остальной команды? – Кер сделал паузу и улыбнулся. – Мне очень нравится Робин, и вы не должны думать, что я говорю о нем во гневе. Мадемуазель, его можно понять, потому что вы ему нравитесь и он не желает вам неприятностей.

Валери поклонилась Керу:

– Благодарю вас, господин Кер. Вы были ко мне очень добры.

Когда на третий день после этой беседы Кер не получил весточки от Валери, он отправился к жене фактора. Она была болтливой женщиной и могла превратить в драму любое сообщение. Ей это удавалось с помощью интонации, жестов и ужимок. Кроме того, с помощью разных преувеличений, намеков и недомолвок она умела из одного-единственного факта состряпать целую историю.

– Я не могу понять эту девушку, – призналась женщина. – Ее ничего не интересует. Я пыталась с ней поговорить – она меня не слушает. Я стараюсь приготовить для нее вкусное блюдо – она его не ест. Я специально для нее пекла свежий хлеб. Всем женщинам известно, что он помогает сохранить красоту. Я ей готовила суп из чечевицы по рецепту моей матушки. А мои лепешки! Они замешаны на сметане и испечены на сале. Но она не стала есть и лепешки. Нет, сударь, она откусывает кусочек, а потом говорит, что у нее нет аппетита. Она ест меньше моей кошки. Та ест все, что я ей даю, а потом отправляется на кухню и ворует рыбы головы, а потом выходит во двор и поедает завернутую в капустные листья пищу старого Бенедикта, который караулит заднюю калитку.

– Чем она обычно занимается? – спросил Кер.

– Мне трудно ответить на это, мой господин. Она сидит и смотрит в окно, а если ее кто-то о чем-то спрашивает – я это делала тысячу раз, – она не отвечает, продолжает молчать. Она часто молится и проявляет какой-то интерес к жизни, только когда рассказывает о мистериях, о мулах. Она смеялась, когда говорила о том, как однажды веревка, которая поднимала актера над сценой, лопнула и он шлепнулся прямо на толстую задницу. Господин Кер, она рассказала об этом сегодня утром. Она даже повела моих детей во двор на травку и играла там с ними. Она показывала им подражание.

– Подражание?

– Да. Она изображает людей, которых видит в лавке. Например, Эдуарда, это небольшого росточка старый холостяк, торгует шелками с Запада. Когда он считает, то кладет палец в рот. Она изображает даму Трикс, подметальщицу и пьяницу Филберта, который работает в конюшне. Господин Кер, она немного повеселела только сегодня. Да и то... все равно грустит.

Отец Франсуа был еще менее оптимистичен.

– Господин Кер, она часами молится, – сказал он. – Я пытался ей помочь, но она отказывается от моей помощи. Я ее спросил: «Дочь моя, какой же грех ты совершила, что не можешь рассказать о нем святому отцу?» Она ответила, что молится о будущем, а не о прошлом. Я пытался что-нибудь у нее узнать, господин, но она не спешит поделиться со мной своими мыслями.

Кер задумался. «Эта девушка неболтлива и не станет бегать к соседям или к священнику, чтобы с ними о чем-то поговорить. Это хороший признак».

Отцу Франсуа казалось, что он что-то не так сделал.

– Господин Кер, я больше ничего не мог предпринять. Я не могу находиться рядом и смотреть, как это бедное дитя в одиночку сражается с собственными бедами...

– Святой отец, мне кажется, что вы ничем не сможете ей помочь.

Днем Кер навестил Валери. Она стояла у окна оружейной комнаты. Девушка была полностью погружена в собственные мысли, она находилась в том настроении, которое так волновало жену фактора. Лучи солнца проникали сквозь окна и заставляли ее волосы переливаться. От этих лучей ярко сверкала полированная поверхность доспехов, рядом с которыми стояла девушка. Кер подумал: «Если бы художник изобразил ее на полотне, люди могли бы подумать, что это портрет Орлеанской Девы».

Девушка повернулась на звук его шагов. Она полностью пришла в себя и двинулась навстречу Керу. Кер сразу понял, что она приняла решение, и знал, каким оно будет.

– Я сделаю так, как вы хотите, господин Кер. Он внимательно посмотрел на Валери.

– Дитя мое, ты уверена в своем решении? Покинули ли тебя все страхи и неуверенность?

Она утвердительно кивнула:

– Да, мой господин.

– Ты желаешь принести эту жертву? Она тихо ответила:

– Теперь мне стало ясно, что это не только моя обязанность, но и моя привилегия. Да, я желаю это сделать. Иногда мне даже становится приятно от этой мысли. Теперь, когда я уверена, меня поражает, почему я не понимала этого с самого начала. Я была очень глупа! И наверное, медленно соображала. Мне понадобилось три дня, чтобы прийти к решению.

– Валери, я рад, что ты все хорошо обдумала, и надеюсь, что своего решения уже не изменишь. Дитя мое, тебе будет не очень легко, и ты испытаешь множество падений и подъемов. У тебя будут дни, когда все тебе станет представляться в черном цвете. Иногда ты будешь уставать от тяжелой работы, неопределенности и... Даже опасности. Тебе понятно, что тебе может грозить опасность?

– Да, господин Кер. Но меня это не волнует. – На лице девушки отразилось волнение, когда она спросила: – Когда я начну?

– У меня есть план, и я думаю, что все окончательно решу вечером. Если все будет в порядке, то твое образование начнется завтра.

Валери старалась не трусить, но Кер заметил, что у нее дрожит подбородок.

– Боюсь, – прошептала она, – что буду плохой ученицей. Кер продолжал молча изучать лицо Валери.

– Ты мне сегодня напоминаешь молодую Агнес, мне кажется, что я снова вернулся в прошлое, – наконец сказал он. – Я представил себя при дворе короля, как было в тот миг, когда она там появилась. О, она была такой молодой и прелестной. И очень серьезной! Ей покорились все сердца, привязанность некоторых из них она сохранила до сих пор. Ты очень напоминаешь мне леди Агнес, какой она была тогда. На ней было зеленое платье, и, дитя мое, наверное, память подсказала мне, что для тебя тоже следует выбрать этот цвет. Конечно, кожа у нее не была загорелой, у нее была другая прическа. Но в остальном ты очень сильно напоминаешь мне молодую Агнес Сорель... Я думаю, дитя мое, что ты мне напоминаешь ее не только внешне. У тебя, Валери, та же сила воли, тот же кураж и милое расположение духа, которое мне в ней всегда очень нравилось!

Глава 8

1

Жак Кер гордился тем, что все дела у него шли по определенной системе. В комнате, которая была у него в Лувре, стоял длинный стол, рядом располагалась такая же длинная скамья. У других министров были колоссальные апартаменты с часовнями, трапезными, кладовками, даже с собственными винными хранилищами, конюшнями, оружейными комнатами и садами. Каждый день, когда Кер прибывал в Лувр, на его рабочем столе уже лежали груды писем и документов. Кер просматривал одну грудку за другой, передвигаясь вдоль стола. Перед ним постоянно стоял служащий, с которым он обсуждал все важные дела. Когда Кер добирался до конца стола, его обязанности казначея на данный день завершались.

В этот день он закончил работу поздно. Кер подошел к окну и стал рассматривать людей, копошившихся внизу, в королевском дворе. На расстоянии они казались крохотными куклами, одетыми в тяжелые доспехи. Вдруг Кер довольно произнес:

– Никто не сможет отнять у меня того, что именно я убедил Карла победоносно закончить войну.

В сумраке комнаты показался Никола и произнес недовольным тоном:

– Господин, почему у вас не горят свечи? Вы считаете, что вам не нужен свет? Или думаете, что можете видеть в темноте, как кот? Вас ждет господин д'Антенн. Мне хотелось хлопнуть дверь перед его лицом.

Кер ответил почти весело:

– Никола, проводи ко мне этого прекрасного человека. «Прекрасным человеком» оказался небрежно одетый молодой мужчина с черной повязкой на одном глазу. Второй, зрячий, источал коварство и алчность. Тот, кто подумал бы при встрече с этим человеком, что благом был бы бой, закрывший ему оба глаза навсегда, оказался бы прав.

Кер подождал, пока Никола уйдет, затем обратился к посетителю:

– Проходите и садитесь, мой честный Жорж, чтобы мы могли тихонько побеседовать. Иначе мы не сможем обсуждать дело, которое вас сюда привело, мой удивительно честный друг.

Казалось, что посетитель настолько толстокож, что на него не действуют никакие намеки или насмешки. Он спокойно уселся за стол и сказал:

– Я вам принес новости, за которые вы мне должны заплатить двойную цену.

– Это буду решать я, – резко заметил Кер. – И после того, как выслушаю ваши новости.

Молодой человек внимательно посмотрел одним глазом на собеседника.

– Я никогда ранее не обладал более важной информацией. Я даже немного колеблюсь, рассказывать о ней вам, милорд Кер, или нет. Если я стану ее распространять, мне может грозить опасность.

– Говорите! – нетерпеливо перебил его Кер. – Нам двоим известно, что шкура доносчика всегда находится в опасности. Наверное, новости на этот раз пахнут настолько противно, что даже ваш привыкший к дурным запахам нос сейчас испытывает неудобство.

Д'Антенн принялся рассказывать свою историю. Он отправился навестить сестру, которая была замужем за Гийомом Гуффье и плохо себя чувствовала, потому что должна была рожать четырнадцатого ребенка. По ошибке д'Антенн оказался не в покоях сестры, а рядом с рабочим кабинетом Гийома Гуффье. Доносчик радостно улыбался – он был в восторге от собственной «ошибки». Д'Антенн сразу понял, что у мужа сестры важные посетители. Из кабинета раздавался шум голосов, многие из которых он без труда узнал. Д'Антенн похвастался,

что ему удалось слегка приоткрыть дверь и он смог многое услышать. В комнате находилось семь человек, он узнал всех. Разговор доносился до него отрывками, но д'Антенн понял, что встреча была неслучайной и ее инициатором являлся Гуффье. Доносчик замолчал, ожидая чего-то.

– Какова же была причина собрания, мой дорогой специалист по подглядыванию и подслушиванию?

– Они обсуждали возможность заставить короля расстаться с казначеем.

Кер улыбался, он был очень доволен, что узнал о планах заговорщиков.

– Они скоро поймут, что несколько поторопились. Я еще не полностью заплатил за войну.

– Господин Кер, разговор шел не о ближайшем будущем. Они не станут ничего предпринимать до тех пор, пока не будет взят Руан. А тогда уже берегитесь, мой не очень щедрый покровитель! Они спустят на вас всех собак!

– Кажется, что мои недоброжелатели становятся все смелее. Им уже не нравится кусать меня за пятки, как делает стая наглых шакалов. Когда начнется нападение на меня, в какой оно выразится форме?

Информатор объяснил, что они желают собрать порочащую Кера информацию и представить ее королю. Кер контролировал Монетный двор в Бурже с самого начала правления Карла. Заговорщики делали ставку именно на это. Кер заулыбался. В это время приходилось делать монеты более мелкими – король Карл VII жил в Бурже и был настолько беден, что ему не хватало денег на обильные обеды. Заговорщики обсуждали и поставки бомбард туркам, чтобы помочь им в войне против христианских государств.

Пока информатор продолжал свой рассказ, Кер собирал на столе прямо перед ним пирамиду из монет. Казалось, он был полностью этим поглощен, но на самом деле он ничего не пропускал мимо ушей. Когда рассказ закончился, Кер взглянул на молодого человека.

– Вы мне скажете имена этих семерых людей?

– Если вы удвоите плату.

– Она, естественно, будет удвоена, мой трепетный борец за справедливость и кавалер чистой совести. Взгляните, монеты вас ждут.

Человек с черной повязкой перечислил заговорщиков. К Керу вернулось насмешливое настроение.

– Наверное, я мог назвать их сам, – сказал он. – После моей отставки все эти господа смогут здорово разбогатеть.

Так случилось, что шесть человек из семи в настоящее время должны мне крупные суммы денег.

Он высоко поднял руки, затем опустил их на стол.

– Эти храбрые и благородные рыцари должны быть мне благодарны: я плачу за войну, в которой им представится шанс щегольнуть своей храбростью и завоевать для себя славу. Вместо этого они пытаются меня уничтожить.

Д'Антенн аккуратно пересчитал монеты, согласно кивнул и поднялся из-за стола. Казалось, он был очень доволен собой.

– Эта повязка у вас на глазу, видимо, означает обещание сражаться во время войны? – заметил Кер.

– Да, милорд временный казначей! Я поклялся не расставаться с повязкой до тех пор, пока не совершу подвиг в сражении с англичанами.

Кер весело захохотал:

– Мне известно около дюжины рыцарей, которые носят повязки по той же причине. Я бы мог сообщить вам имена троих, поклявшихся совершить некий очень приятный ритуал, в котором активное участие принимают их дамы. И так будет продолжаться до тех пор, пока враг не будет изгнан с нашей земли. Как им не повезет, если война продолжится еще двадцать

лет! Мне известен один человек, поклявшийся не мыться до тех пор, пока не станет героем. Конечно, эта клятва не очень сильно изменила его гигиенические привычки. – Кер заговорил громче. – Мне же хотелось предложить более полезную и логичную клятву для желающих ее принять. Вы станете слушать приказы вашего предводителя во время сражения, не станете бросаться в атаку, когда вам заблагорассудится, как это произошло при Азенкуре, а ведь из-за этого было проиграно сражение. Вам всем следует дожидаться приказа. Вы станете защищать своих лучников, являющихся простолюдинами, и не позволите, чтобы английские лучники разорвали их на куски и погубили французскую армию! Другими словами, вам следует вести себя подобно настоящим солдатам, а не капризным и заносчивым олухам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.